

Повелители стихий

Автор:

[Ф. Каст](#)

Повелители стихий

Филис Кристина Каст

Кристин Каст

Dysasters #1Main Street. Коллекция «Аметист»

Фостер Стюарт, дерзкая рыжеволосая красавица, не похожа на своих сверстников: она никогда не жила «нормальной» жизнью подростка, постоянно переезжая из штата в штат с приемной матерью. С другой стороны, обычные люди восемнадцати лет не умеют управлять облаками и воздушными течениями. Голубоглазый брюнет Тейт Тейлор, капитан школьной команды по футболу, напротив, никуда не выезжал из родного городка в Мисссури и до встречи с Фостер не задумывался о паранормальном. Да, у него зрение как у ястреба, но это, наверное, просто природный дар?... Смертоносный торнадо соединяет их вместе – ураган становится началом опасных приключений.

Новая книга от авторов бестселлеров #1 New York Times и #1 Usa Today предлагает с головой окунуться в мир, где герои оказываются во власти воздуха, ветра, воды и огня – и, конечно, самой сильной стихии, любви.

Ф. К. Каст, Кристин Каст

Повелители стихий

P.C. Cast and Kristin Cast

THE DYSASTERS

Text Copyright © 2018 by P.C.Cast and Kristin Cast

© И. Литвинова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается всем нам, кто тайно (и не так уж тайно) мечтает управлять стихиями, спасти мир и, может быть, даже летать!

1

ФОСТЕР

– Кора, зачем мы приехали в эту глухомань? – Окинув хмурым взглядом пятна на покрывале, Фостер плюхнулась на скомканный матрас. – И это самый жуткий мотель среди всех, где мы останавливались за прошедший год. – Она засунула руки в рукава фланелевой рубашки, стараясь не касаться слоя грязи, покрывающего все вокруг.

– Лучше скажи спасибо, что у тебя есть крыша над головой. Не всем так везет. – Воздух с шипением вырвался из сиденья стула, когда Кора уселась за маленький стол у маленького окна очень маленькой комнаты.

– И не всем приходится проводить уик-энд в свой день рождения в такой дыре, – застонала Фостер.

– В Миссури, – поправила Кора, вытаскивая ноутбук из потертой кожаной сумки, с которой никогда не расставалась. – Если точнее, в Гомере, штат Миссури.

– Как ты думаешь, после того как мы найдем этого парня, у нас все будет по-прежнему? – Фостер помолчала, покусывая внутреннюю сторону щеки. С тех пор как пять лет назад ее приемный отец, доктор Рик, погиб во время аварии на лодке, они с Корой вели размеренную жизнь дома, в Портленде. В штате Орегон, а не Мэн. Кому охота жить в Мэне? Но дело не в том, что Фостер предпочитала Западное побережье, просто ее жизнь стала бесконечным, напряженным, местами грязным (хотя и не в хорошем, сексуальном, смысле) путешествием с того момента, как год назад – а казалось, будто давным-давно – Кора продала клинику репродукции доктора Рика. Тогда-то все и пошло наперекосяк. И Фостер отчаянно хотела вернуться к прежней жизни. Вернуться домой.

Фостер почувствовала на себе понимающий взгляд Кору и, заглянув во встревоженные глаза приемной матери, поспешно добавила:

– Или хотя бы более-менее по-прежнему?

– Посмотрим. И хватит скулить! Мне нужно сосредоточиться, а от тебя только головная боль. – Бормоча себе под нос что-то о надоедливых детях, Кора снова уткнулась в лэптоп, рассеянно потирая подбородок.

– Тебе надо сходить к стоматологу. Ты ешь столько шоколада, что у тебя там, наверное, уже дупло размером с гигантский лунный кратер. А может, зуб мудрости прорезается. – Фостер задумчиво побарабанила пальцами по коленке. – Хотя нет, думаю, ты старовата для зубов мудрости. Как насчет...

– Фостер, тише!

Фостер подчинилась, затаив дыхание, подавляя рвущиеся сквозь сомкнутые губы вопросы. Но она не могла себя сдерживать. Во всяком случае, долго. И только не с Корой. С остальным миром – не проблема. Вообще-то она предпочитала не вступать в разговоры с людьми и почти не сомневалась в том, что это придает ей капельку стерживности. Ну, может, стерживность и была через край, но лишь когда ее бесило то, что говорили о ней другие, хотя она старалась не обращать на это внимания.

Прежде чем она осознала, что снова заговорила, дамба прорвалась, и слова хлынули наружу.

– В любом случае, зачем мы здесь? Никто не останавливается на Аллее торнадо[1 - Неофициальный термин, обозначающий территории США, в которых наблюдается наибольшее количество торнадо. Аллея включает несколько штатов: Техас, Оклахому, Канзас, Южную и Северную Дакоты, Айову, Иллинойс, Миссури, Небраску, Колорадо и Миннесоту.(Здесь и далее прим. перевод.)], если только нет желания свести счеты с жизнью. – Грянул гром, сотрясая тонкое стекло дешевых настенных светильников. – Вот видишь! Я же говорила. Все как по заказу, не будь это так чертовски зловеще. – Фостер перекинула рюкзак через плечо и направилась к двери. – Давай-ка выбираться отсюда.

– Успокойся, детка. – Тугие дреды скользнули по плечам Кора, когда она потрянула головой. – Тут неподалеку больница. Я обратила внимание, когда мы проезжали мимо. – Она глубоко вздохнула и так же машинально, как массировала подбородок, размяла левое плечо, словно совершая обязательный будничные ритуал вроде чистки зубов. – Я знаю, что у них тут есть подвал, и, если эта гроза перерастет в торнадо, мы укроемся там. А пока сиди тихо. Твой подростковый страх не помогает мне управиться быстрее.

– Это не страх, – пробормотала Фостер, ковыряя пластиковую столешницу с рисунком под дерево. – Я просто думала, что мы замутим что-нибудь покруче на мой день рождения. Восемнадцать лет бывает только раз в жизни. Я хотела, чтобы мы отметили это по-особенному. – Она выпятила нижнюю губу и захлопала невероятно длинными ресницами.

Кора взглянула на нее и фыркнула.

– Попробуй еще раз. – Она снова уткнулась в компьютер, и в ее темных изумрудно-карих глазах засияли блики ярко освещенного экрана.

– Что, если мы не успеем добраться до больницы из-за ветра, града, дождя и прочих напастей?

Кора вздохнула.

– Не каждая гроза порождает торнадо. Иначе от Среднего Запада уже ничего бы не осталось.

– Как будто и сейчас здесь что-то есть. Кстати, – она швырнула рюкзак на стол и зарылась в его недра, – в поведении бурь, особенно сильных, происходят изменения. И я могу это доказать. Зацени-ка. – Отодрав присохший пакетик кетчупа, она протянула Коре пачку мятых листков бумаги.

– Что это? – Кора удивленно подняла густую бровь.

– Это исследование. Для того научного проекта, что ты мне дала. Я выбрала погодные явления. Все остальные варианты были нелепыми, взять хотя бы размножение комаров. Я не вуайерист, подглядывающий за сексом насекомых, да и к тому же никому неохота, чтобы их становилось больше.

– Так ты сделала домашнюю работу? – Кора взглянула на нее через плечо. – Куда подевалась моя Фостер? Примерно такого роста, – она подняла руку на высоту около пяти с половиной футов[2 - Около 168 см (1 фут = 30,38 см).], – с ярко-рыжими волосами и кожей, как у снеговика. Ты ее не видела? – Кора рассмеялась, блеснув жемчужными зубами.

– Очень смешно. – Фостер пролистала бумаги, которые распечатала в библиотеке городка, где они останавливались в последний раз. Красные и оранжевые пятна покрывали погодную карту Среднего Запада, сопровождаемые тревожной статистикой зарождения торнадо и их соприкосновения с землей. – Но я серьезно. Weather.com[3 - Сайт национальной метеослужбы США.] пугает страшилками о вероятности возникновения торнадо в грозу. Думаю, глобальное потепление все-таки добралось до нас и собирается укусить за задницу. – От удара грома у Фостер по рукам побежали мурашки. – Как по заказу. Опять. Надеюсь, ты не станешь убеждать меня в том, что это совсем не опасно. – Она запихнула бумаги в рюкзак и перекинула его через плечо. – Надо делать ноги.

Пухлые пальцы Кору лихорадочно порхали над клавиатурой.

– Я слышала гром. Еще раскат. Нам нужно уходить. Давай же. – Мольбы Фостер оставались без ответа. – Кора! – Она топнула ногой, выбивая из ковра облако пыли, и громко чихнула.

– Черт возьми! Что такое, Фостер? Чего ты хочешь? – рявкнула Кора, словно пытаясь перекрыть раскаты грома.

Фостер резко вдохнула, заметно напряглась, сглатывая застрявший в горле ком.

– Ничего. – Голос прозвучал тише, чем ей хотелось. Она откашлялась и добавила: – Не бери в голову.

Кора смягчилась и, перегнувшись через стол, схватила Фостер за руку. Легонько сжав ее ладонь, она отпустила руку и потерла себе шею сбоку.

– Извини. У меня стресс, и я ужасно устала от боли в шее. Эти подушки в мотелях меня доконают... – Она замолчала, и на ее лице промелькнуло неуловимое выражение. – Но мне не следовало кричать на тебя, – продолжала Кора. В ее голосе вновь зазвучало пряное спокойствие, густое и сливочное, сдобренное, как мексиканский горячий шоколад, щепоткой чего-то бодрящего. – Ты же не местная, и я понимаю твое беспокойство. Я выросла на Аллее торнадо. Да, бури случаются. Но сейчас конец августа. Торнадо в Миссури любят весну и раннее лето больше, чем конец лета и осень. Мы в безопасности.

– Обещаешь?

– Вот те крест! Ты же мой ребенок, сама знаешь, и я никогда не подвергну тебя опасности.

– Кора, мне восемнадцать. Перестань называть меня ребенком.

– Дитя мое, даже когда тебе стукнет восемьдесят, ты все равно будешь моей малышкой Земляничкой.

– О боже. Ладно, пусть будет малышка, только не Земляничка.

– Посмотрим, – пробормотала Кора, снова отвлекаясь на компьютер.

– Надеюсь, это не значит «Дитя мое, я буду называть тебя малышкой Земляничкой, пока одну из нас не положат в могилу». – Она мастерски передразнила Кору. – Так и быть, хватит и этого. – Беспокойство Фостер

улеглось, и она скользнула в кресло напротив храброй женщины. Хотя в животе бурлило в унисон с приближающейся бурей, слова Кору успокоили Фостер. Ее приемная мать никогда не нарушала своих обещаний. Она была рядом с того самого дня, когда Фостер появилась на свет недоношенной и требующей особого ухода в отделении интенсивной терапии для новорожденных. Биологические родители рассказывали ей истории о «тетке» Коре, самоотверженной медсестре-героине, которая денно и нощно следила за тем, чтобы их девочка росла здоровой и сильной. Сердце Фостер сжалось при воспоминании о родителях.

– Постой-ка, ты что-то говорила про стресс. Почему ты так нервничаешь? – выпалила она, больше не желая думать о прошлом.

– Потому что, если я права насчет того, с кем мы встретимся сегодня вечером, весь наш мир изменится.

– Подожди, ты имеешь в виду этого парня? Того, кого мы ищем весь последний год? Ты мне не сказала, что нашла его. Кто он? Как его зовут?

Пропустив мимо ушей все вопросы, Кора кивнула на чемодан.

– Достань две темно-бордовые толстовки.

Фостер подошла к ржавой багажной полке и расстегнула молнию на чемодане. Вытащив объемную толстовку, она указала на эмблему, вышитую золотыми буквами: ПАНТЕРЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ГОМЕРА.

– Я думала, что обучение на дому идет успешно. И у тебя я могу научиться гораздо большему, чем в паршивой захолустной государственной школе. К тому же этот год у меня выпускной.

– Дай сюда. – Фостер бросила Коре толстовку, и та натянула ее, прежде чем ответить. – Тебя никто туда и не отправляет. Ты просто как будто учишься там. А теперь надевай. Я не хочу опоздать.

Фостер тоже натянула мешковатую толстовку поверх фланелевой рубашки, застегнула молнию и подвернула подол, чтобы виднелись обтрепанные края шорт и она не выглядела полуголой. – Я похожа на сливу, – проворчала она,

хмурясь своему отражению в пыльном зеркале. – Хорошо хоть не придется возвращаться в школу. – Расставание с традиционной школой стало единственным плюсом безвременной кончины доктора Рика. Кора хотела закончить его исследование и держать Фостер при себе – это было как-то связано с процессом исцеления, о котором говорил один из докторов – приятелей Кору. Впрочем, Фостер не задумывалась о причине, для нее главным было то, что ее не отправят обратно в отупляющее заведение под названием «государственная школа».

Вьющиеся пряди огненно-рыжих волос упали ей на лоб, и она пригладила их, убирая в неряшливый пучок на макушке.

– Стало быть, тот человек, с которым мы собираемся встретиться, – начала она, намазывая губы гигиенической помадой, – один из бывших лаборантов доктора Рика, ставший теперь замшелым учителем естествознания или кем-то в этом роде?

Кора перекинула сумку через плечо и проверила телефон.

– Пошли. Скоро начнется.

Фостер сунула тюбик гигиенической помады в карман и повернулась к Коре.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты похожа на Керри Вашингтон[4 - Керри Мариса Вашингтон – американская актриса и политическая активистка. Наиболее известна по своим ролям в фильмах «Рэй», «Фантастическая четверка», «Последний король Шотландии», «Джанго освобожденный».]? – Она растерла губами помаду и изобразила самую невинную улыбку.

– Нет, потому что я не похожа. – Входная дверь скрипнула, когда Кора открыла ее, и в комнату хлынул липкий прохладный воздух. – А теперь тащи свою тощую белую задницу в машину.

Фостер неторопливо подошла к двери и остановилась перед коренастой женщиной. В носу защекотало от ароматов корицы и кедра.

– С кем мы встречаемся? – Она почувствовала знакомое покалывание внутри.

Кора уперла руки в боки.

– Когда я сочту нужным, ты это узнаешь. И мы уже не раз говорили о твоей маленькой уловке, Фостер. Будь осторожна, когда прибегаешь к ней.

– Я до сих пор не могу понять, как ты узнала о моих джедайских трюках с разумом. – Она прыгнула на тротуар и вытащила воображаемый световой меч.

– Никаких джедаев не существует, а я слишком умна, чтобы стать жертвой твоего нейролингвистического бреда.

– Никаких джедаев нет? – Фостер погасила световой меч и убрала его за пояс. – Ты разбила мое сердце, так и знай. Разрушила мои детские фантазии.

Кора поджала губы. – Мм, мм, мм. Странный ты человек. Придурок, что и говорить.

– Это был голос Йоды? Тренировки пошли тебе на пользу, юный падаван. И кстати о тренировках – куда бы мы ни ехали, ты поведешь машину?

– Нет. – Кора открыла машину, и Фостер скользнула на водительское сиденье. – И мне не нужна тренировка. Я умею водить машину. Просто ты делаешь это лучше меня – в стиле Ивела Книвела[5 - Американский каскадер, получивший мировую известность благодаря своим рискованным трюкам на мотоцикле.].

– Ты же прекрасно знаешь, что я понятия не имею о том, кто все эти старперы, о которых ты талдычишь. – Фостер завела мотор и подождала, пока Кора вобьет адрес в навигатор. – Но, в отличие от некоторых, я практикуюсь.

– Да, я бы сказала, что ты практикуешься в вождении каждый день, а я каждый день практикуюсь засыпать в пассажирском кресле.

– Нет, я не про вождение. А про джедайский трюк с разумом. Я заставила цвести розовый куст у того ресторана в Пенсильвании. – Фостер вырулила со стоянки и, посмотрев на экран навигатора, перехватила подозрительный взгляд Кору.

– Ладно, – уступила Фостер, наблюдая за тем, как исчезают вдали бескрайние, усеянные коровьими лепешками поля, по мере того как город становился все ближе. – Может, он чуть-чуть подрос, пока не перестал меня слушать. О, но я все-таки заставила те облака в Западной Вирджинии походить на гигантские пасхальные конфеты. Я пыталась выжать из них дождь, но форма – это все, чего мне удалось добиться. Помнишь это?

– Я помню, как вышел из строя кондиционер в машине и мы чуть не испеклись. С меня пот лил градом, так что ты могла поплавать в этом озерце.

– Ага, – рассмеялась Фостер. – Это было довольно противно. – Над головой прогремел гром, и она подождала, пока он стихнет, прежде чем продолжила. – Я знаю, есть что-то, что будет слушаться меня беспрекословно. Может, это и не люди, не цветы или облака, но что-то определенно есть, я просто должна это найти.

Машина дернулась, когда Фостер подала сигнал поворота и свернула к большому полю. Она припарковалась позади огромного пикапа «Форд» и заглушила мотор. – Мы на месте.

Высокая трава защекотала голые лодыжки Фостер, когда она вышла из машины и ступила на импровизированную парковку.

– Где бы это место ни находилось.

– Вперед, «Пантеры»! Йоуу! – Стайка девчонок, одетых в темно-бордовую форму, с визгом пронеслась мимо.

Фостер вытянула шею, выглядывая из-за устрашающего пикапа.

– Ты, должно быть, меня разыгрываешь. – Она бросила сердитый взгляд на Кору. – Футбольный матч. Серьезно?

– Seriously. – Кора вытащила сумку с заднего сиденья и заперла машину. – А теперь спрячь свое недовольство. Надо постараться произвести хорошее первое впечатление.

– Фу, – заныла Фостер и поплелась следом за ней, поправляя на себе нелепую толстовку. – Но вот-вот пойдет дождь. – Она подняла голову к небу, вглядываясь в набухшие темные облака. – И, вполне возможно, поднимется торнадо. Небо болезненно-зеленоватое.

– Я куплю тебе все, что захочешь, в снэк-баре, – предложила Кора.

– Снэк-бар? Почему ты сразу не сказала, что здесь можно перекусить? – Приободрившись, Фостер взяла Кору под руку и направилась ко входу на стадион.

* * *

С карманами, набитыми пачками жевательных конфет, и огромным бумажным пакетом с попкорном в руке, Фостер стояла в сторонке и изучала указатели секций на трибунах.

– Сто пятнадцать, нет. Сто двадцать, нет. А, вот! Сто двадцать пять. – Она поднесла пакет к губам и вытряхнула в рот несколько зерен. – Ой! – От резкого толчка в спину она развернулась кругом, роняя конфеты и пакет. Попкорн рассыпался у ее ног, как соленый снег. – Черт! Ты погубил лучшее, что может быть на этом варварском шоу тестостерона.

– Я – лучшее, что может быть на этом варварском шоу тестостерона.

Фостер подняла глаза, а потом задрала голову еще выше, чтобы разглядеть типичного Мистера Качка, нависающего над ней. Спору нет, он был само совершенство. Темные волосы, невообразимо голубые глаза, высокие скулы и грудка длинных, упругих мышц – хотя он выглядел бы гораздо симпатичнее в джинсах, футболке и с книгой в руке, чем в этой дурацкой майке сливового цвета с золотой эмблемой и в обнимку с футбольным мячом.

Он ухмыльнулся, обнажив идеально ровные белые зубы – разумеется, – и протянул ей пакетик с кислыми детскими конфетами, который она обронила.

– Зови меня Тейт Орлан Тейлор.

Фостер так сильно закатила глаза, что чуть не потеряла равновесие.

- О, извини, - притворно невинным тоном произнесла она. - Ты сказал, Баклажан? - Она покачала головой. - Нет, - поморщилась она. - Это что-то из огорода. Не угадала. Ты, должно быть, сказал Баклан. Да, скорее всего так.

- Что? Нет. Ты думаешь, я - дебил? Вовсе нет. Seriously. Спроси кого угодно. Я не дебил.

- Я смотрю, красноречие - не твой конек.

Мимо пробежала колонна спортсменов, хрустя бутсами по дорожке, опоясывающей футбольное поле.

- Орлан! Погнали, бро! Тренер задаст нам жару, если мы не явимся вовремя.

- Да, иду! - крикнул им Тейт и медленно потрусил задом наперед, следуя в хвосте команды. - Эй, Земляничка, давай я тебе покажу, какой я не дебил.

- Господи! Не называй меня Земляничкой.

- Тогда скажи свое имя!

Она вздохнула.

- Фостер.

- Слушай, Фостер, мы всегда устраиваем вечеринку после нашей победы. А я буду на поле, и значит, мы обязательно выиграем. Я оставлю тебе свой номер телефона? Тогда ты сможешь узнать, где мы собираемся, и я докажу тебе, что я не дебил, а наоборот - классный парень?

- Сначала ответь на вопрос.

- Давай, Земляничка!

- Какая твоя любимая книга?

- «Спортс иллюстрейтед»[6 - Американский еженедельный спортивный иллюстрированный журнал.]! - Он подмигнул.

- Ага, я так и думала.

На его щеках расцвел румянец.

Я бы на его месте тоже смутилась, подумала Фостер. Возможно, до него все-таки дошло, что он выглядит сущим дебилом - пусть даже и ястребом.

Тут он снова заговорил, и она решила, что его щеки окрашивает солнце, а не смущение.

- На самом деле мой номер очень легко запомнить. Слушай...

Фостер жестом остановила его.

- Не надо. Просто не надо. Даже если бы от этого зависела моя жизнь. Но в любом случае, удачи тебе там, Баклан. - Она отсалютовала ему и, развернувшись, направилась к секции сто двадцать пять и, громко топая, взобралась наверх по алюминиевым ступенькам.

Кора изучала хлипкую одностраничную программку, когда Фостер проскользнула на соседнее сиденье.

- Ты не поверишь, что сейчас произошло, - сказала Фостер, гоня во рту горсть жевательных конфет «Скиттлз». - Я познакомилась с типичным тупым футболистом. Он пригласил меня с собой.

- На свидание? - Брови Кору взлетели на лоб.

Фостер фыркнула, в духе своей приемной мамы.

– Не так, как тебя приглашали на дискотеку или еще куда в восьмидесятые. Сейчас это выглядит по-другому: «Приходи в одно место, и если мне захочется, мы с тобой потусим, но если не захочется, я ведь официально не приглашал тебя на свидание, так что тебе и злиться не на что». Одним словом, убогая мальчишеская логика. – Она сердито сунула в рот еще одну конфетку и принялась выразительно жевать. – И я уверена, он просто хотел мне показать, какой он классный и что все в этой Мухосрани, штат Мизери[7 - От англ. misery - мучение, убогость, жалкое положение.], от него без ума.

– В последний раз тебе говорю: это Миссури, а не Мизери, – сказала Кора. – Но дискотека? Восьмидесятые? Ты серьезно? Малышка, тебе пора покончить с научно-фантастическими шоу и переключиться на программы по истории, чтобы не отстать от расписания. Если, конечно, ты хочешь получить школьный аттестат.

– Я много чего знаю о Второй мировой войне. Можешь проэкзаменовать меня, это хотя бы добавит несколько лишних баллов моей домашней работе по истории. – Фостер выдержала паузу, с надеждой ожидая, что Кора разрешит ей отдохнуть от скучных документальных фильмов.

– Ты не получишь дополнительных баллов за знание того, чего нет в учебном плане семестра. Стремиться к новым знаниям надо в любом случае, независимо от оценок.

– Прекрасно, – фыркнула Фостер. – Но, возвращаясь к моему знакомству с коренным миссурийцем, скажу, что парень представился как Тейт Орлан Тейлор. Орлан! Клянусь, у меня это в голове не укладывается. Тебе не кажется, что это самое нелепое прозвище для чувака?

– Тейт Тейлор? – переспросила Кора.

– Да, Тейт Баклан чертов Тейлор. Ни за что не забуду эту часть.

Кора вздохнула.

– Что? – насторожилась Фостер, глотнув воды из бутылки Кору.

- Тот, с кем мы должны здесь встретиться... его зовут...

- Нет, - перебила ее Фостер. - Только не это, Кора.

- Тейт Тейлор.

2

ТЕЙТ

Тейт глубоко вдохнул, вбегая в раздевалку. Запахи спрея Icy Hot и пота подсказывали, что он там, где ему и место, - дома. Парни, с которыми он с детства играл в футбол, мельтешили вокруг, похлопывая полотенцами и поправляя плечевые накладки, пытаясь побороть волнение перед матчем и настроиться на собственную версию «Огней ночной пятницы»[8 - Американский драматический телесериал, главный герой которого, футбольный тренер по имени Эрик, работает в средней школе в Техасе.] в декорациях средней школы Гомера. Тейт не нуждался в психологической самоподготовке. Две страсти его жизни кипели как раз за пределами раздевалки - большая буря и большая игра.

Но одного он терпеть в себе не мог, и сейчас это заставило его тупо уставиться на свой шкафчик, раздумывая, не удариться ли лбом о металлическую дверцу. Тейт Орлан Тейлор не умел разговаривать с девушками. А если девушка к тому же была симпатичной...

Его плечи поникли.

«Я сказал ей, что «Спортс иллюстрийтед» - моя любимая книга. И это после того, как выставил себя псевдосупергероем перед совершенно незнакомой девчонкой - дерзкой, бесцеремонной, невесть откуда взявшейся».

- Черт. Может, я и вправду дебил.

– Эй, Орлан, с кем ты там разговаривал? Эта рыженькая явно нездешняя. – Кайл Кейс подтолкнул Тейта плечом. – Если ты намерен замутить с кем-то из Сент-Джо, у тебя будут большие неприятности с нашими девушками. Особенно с Эммой.

– Мы с Эммой расстались. Я могу разговаривать с кем захочу.

– Только если они не из Сент-Джо. Они – «Спартанцы». Мы – «Пантеры». Эти двое не братаются, – напомнил Кайл.

– Братаются? Расширяешь словарный запас, Кай-ки? – Тейт хмуро взглянул на лучшего друга.

– Чувак. – Кайл понизил голос. – Мы уже говорили об этом. Миллион раз. Не называй меня прозвищем, которое придумала моя младшая сестра. Никогда.

– О, еще как буду. В чем проблема?

– Нет, не будешь. Это не круто.

– Послушай, ты же не называешь меня по имени, – возразил Тейт.

– Орлан – это круто. Кай-ки – нет. И точка. Давай лучше вернемся к той рыженькой с большими сиськами.

– Большими сиськами? Что? Нет. – Тейт покачал головой. – Я заговорил с ней вовсе не поэтому. – Его так заворожили большие зеленые глаза Землянички, роскошные рыжие волосы и эта кожа, будто из мрамора – чертовски гладкого, без единого изъяна, – что он не заметил ничего другого. Ну, за исключением того, что она не любит футбол и, хуже того, не испытывает симпатии к нему самому.

– Ты сказал, большие сиськи? – встрял Райан. – У кого это? – Полузащитник повернул голову в сторону Тейта, а следом за ним и половина команды, отчего они все стали похожими на птенцов-мутантов. – Я думал, вы с Эммой разбежались.

- Так и есть. Кайл просто...

- Орлану достались чьи-то сиськи. Опять! - Райан, никогда не блиставший умом, двинулся к Тейту. Громила ростом под метр девяносто и весом в полтора центнера, он словно прокладывал туннель сквозь строй ребят, распихивая всех в стороны. - Я должен узнать подробности.

- Никаких подробностей! - осадил его Тейт. - Я просто разговаривал с девушкой. Это все.

- Она из «Спартанцев», - сказал Кайл.

- Я этого не говорил! - воскликнул Тейт. - Я не знаю ее, но она не слишком дружелюбна.

- Определенно спартанка, - заключил Райан. - Но я думаю, что большие сиськи могут служить смягчающим обстоятельством.

Кайл усмехнулся.

- Скажи это Эмме и ее подружкам.

- Мы расстались! - Вообще-то это Эмма его бросила. Две недели назад. Без каких-либо внятных объяснений, кроме «Детка, у нас не складывается». Не складывается? И как это понимать? Тейт все еще пытался разобраться, что же он сделал не так.

- Тейт! Вытащи голову из штанов и сосредоточься на игре! - Команда расступилась, охваченная библейским благоговением, когда отец Тейта стремительным шагом приблизился к нему.

- Моя голова полностью занята игрой, тренер! - заверил Тейт своего отца, а товарищи, словно по команде, встали по стойке «мирно».

- Хорошо, потому что сегодня тебе предстоит серьезная работа. Нужно ли мне напоминать, что Сент-Джо - школа из дивизиона 4А, а мы - 2А?[9 -
Классификация школ (от 1А до 5А) в зависимости от вовлеченности учащихся в

занятия спортом и их спортивных достижений.]

- Нет, тренер! - выкрикнул Тейт.

- Нет, тренер! - эхом отозвалась команда.

- И нужно ли мне напоминать вам, что погода - хуже некуда, а это значит, что все может случиться, когда поле превратится в болото?

- Нет, тренер! - прокричала команда вместе с Тейтом.

- Да ладно, тренер, не беспокойтесь о погоде, - сказал Кайл. - Чем темнее на улице, тем зорче глаз у Орлана!

Отец Тейта шлепнул Кайла по затылку.

- Мальчик, если бы вся команда могла видеть в темноте, как Тейт, тогда дерьмовая погода была бы плюсом. Ты можешь видеть, как ястреб, в темноте?

- Нет, сэр! - взревел Кайл.

- Как я всегда говорил вам, мальчики, еще с начальной школы, ничто, даже отличное ночное зрение, не может заменить тяжелый труд и концентрацию. А теперь соберитесь в круг и встаньте на колени.

Тейт и его товарищи по команде окружили тренера, каждый опустился на одно колено, и, склонив головы, они взялись за руки.

- Храни нас невредимыми, сильными и уверенными. Храни нас, «Пантер»!

- Вперед, «Пантеры»! - хором ответила команда.

- Ах, да. Чуть не забыл. - Отец заговорщически оглядел команду. - Готовы?

- Да, тренер! - завопила вся команда, кроме Тейта.

– Начали!

– С днем рожденья тебя! С днем рожденья тебя! С днем рожденья, Орла-а-а-ан!
С днем рожденья тебя! – Пели все – плохо, но с энтузиазмом.

– В свои восемнадцать – и не поцеловаться ни разу! – съязвил Райан.

– Черт, в свои восемнадцать – и по воротам не промазать ни разу! – огрызнулся Кайл.

– Ладно, ладно, повеселились – и будет. Пора на поле. Капитан и помощник капитана идут первыми.

Тейт и Кайл заняли свои места во главе двойной колонны «Пантер». Команда прошла в свою очковую зону, где остановилась, ожидая, когда оркестр исполнит боевой марш.

– Черт возьми, твой отец не шутил насчет погоды, – сказал Кайл, нервно поглядывая на зеленое небо и зловещие темные тучи. – Думаешь, матч отменят?

– Черт, нет! – ответил Тейт. – Во всяком случае, пока не ударит молния. И я надеюсь, что этого не случится. – Он вдохнул полной грудью, наслаждаясь запахом дождя и разлившейся в воздухе прохладой, предвещающей бурю. Он был одержим бурями! Сколько себя помнил. Всякий раз, когда слышались отдаленные раскаты грома и накатывали грозовые облака, он чувствовал, как внутри него нарастает неведомая сила.

– Будь особенно осторожен сегодня, сын. – Отец, стоявший рядом, привычно положил ему на плечо сильную руку. – Я знаю, ты любишь бури, но если небо разверзнется и начнется ливень, смотри в оба. Земля станет скользкой, как свинячье дерьмо. Сломаешь себе что-нибудь – и останешься на обочине. Сезон только начинается, и тебе нельзя травмироваться, иначе рискуешь потерять стипендию Мисси[10 - Миссурийского университета.].

– Не волнуйся, папа. Со мной все будет в порядке, как всегда.

Отец похлопал его по плечу и ласково улыбнулся.

– Хорошо. Оставлю беспокойство твоей матери. Не забудь помахать ей рукой.

– Мама здесь? Но она же ненавидит бури.

– Конечно, она здесь – как обычно, на трибуне в полусотне метров от центральной линии. Твоя мама ненавидит бури, но обожает своего маленького Орлана.

– У меня рост метр восемьдесят пять, и с сегодняшнего дня мне уже восемнадцать. Почему она непременно должна добавлять слово маленький? Господи, отец, только мама может сделать это прозвище таким жалким. – Мама и та зеленоглазая Земляничка, подумал он.

Дробь малого барабана, открывшая боевой марш, заглушила смех отца и заставила местных болельщиков, занимавших половину трибун маленького стадиона, вскочить на ноги, когда Тейт пробежал сквозь строй чирлидеров с помпонами, выводя свою команду на поле. Начиная разминку, Тейт помахал маме рукой. Он без труда отыскал ее в толпе. Густые светлые волосы, которые, как считал Тейт, делали ее похожей на диснеевскую принцессу, сияли золотым маяком в море ярких огней. Она помахала ему рукой в ответ и послала воздушный поцелуй, а поднимающийся ветер разметал ее локоны подобно беспокойному духу.

Тейт руководил разминкой своей команды, когда полыхнувшее пламенем пятно на трибуне прямо над мамой привлекло его внимание. Рыжие волосы, вырвавшись на волю из пучка на макушке, рассыпались пышным облаком. Черт, да у девчонки настоящая грива. Тейт моргнул – раз, другой. Это же она! Земляничка! Она сидела рядом с грузной темнокожей женщиной, которая наблюдала за ним с таким интересом, словно он был двуглавым чудищем на ярмарке научных проектов. Но что же Земляничка? Она была занята тем, что пыталась укротить обезумевшие от ветра рыжие волосы, и смотрела куда угодно, только не на поле.

Закончив разминку, Тейт призвал команду сменить позиции и приступить к прыжковым упражнениям. Он снова украдкой взглянул на девушку. Да, она по-прежнему глазела по сторонам, но его как будто и не замечала. Хотя нет, постойте-ка. Она смотрела не куда попало. Ее взгляд скользил по небу.

Свисток судьи возвестил об окончании разминки, вызывая капитанов команд в центр поля для подбрасывания монетки. Тейт побежал навстречу спартанцу. Пожимая руку сопернику, он старался не думать о том, что из-за окладистой бороды, полностью скрывающей шею, парнишка выглядит лет на тридцать, а не на семнадцать.

- Орел! - выкрикнул спартанец таким глубоким и хриплым голосом, словно курил не один десяток лет.

- Решка! Выбор за «Пантерами»! - гаркнул судья, стараясь перекричать ветер.

- Мы принимаем подачу, - сказал Тейт и быстро побежал прочь с поля, смешиваясь с защитниками. Отец стоял в кругу игроков, отдавая последние указания. Ему приходилось кричать, чтобы его можно услышать сквозь завывания ветра, и громкий голос тренера справлялся с задачей.

- Что ж, «Пантеры». Возьмите чертов мяч и покажите этим спартанцам, что «больше» не значит «лучше»! На счет три - один, два, «ПАНТЕРЫ»!

Как хорошо отлаженный механизм, команда Тейта рассредоточилась на своей половине поля, занимая позиции, пока спартанцы выстраивались для розыгрыша мяча. Но не успел судья дунуть в свисток, чтобы дать старт игре, как набрякшее небо раскрылось, проливая струи дождя. Яркие огни стадиона замерцали вместе с табло, и рефери заколебался, не решаясь подать сигнал.

Тейт не смог перебороть себя и снова посмотрел на трибуны. Ему не терпелось увидеть промокшую Земляничку. Он без труда отыскал ее взглядом.

Единственная из всех, она стояла с поднятой в небо рукой. Пока он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, она выкрикнула одно слово - так громко и с таким неприкрытым ужасом, что все повернулись туда, куда она указывала.

- ТОРНАДО!

Мир Тейта взорвался.

Вой ветра перерос в вопль. Черные облака закрутились в воронку, и ее столб начал опускаться прямо на поле.

– Всем вернуться в здание школы! Немедленно! – проревел громкоговоритель.

Паника подняла толпу на ноги, и все как ошпаренные бросились вниз с трибун. Между тем Тейта словно пригвоздило к месту. Его взгляд застыл на нисходящей воронке. Он ощущал всю мощь торнадо – чувствовал, как гнев стихии и ее разрушительная сила вливаются в его тело, закручиваются вихрем вокруг него и нарастают... нарастают, пока в нем не проснулось желание поднять руки и обнять ее, позволить своему крику присоединиться к ее яростному реву.

– Тейт! Беги!

Громкий вопль отца прорвался сквозь пелену торнадо, разрушая его чары, и радостное волнение бури внезапно покинуло Тейта. Он стал маленьким мальчиком, одиноко застывшим посреди футбольного поля, пока на него с неба надвигалась смертоносная воронка.

Футболисты рванули к раздевалке, но на трибунах творился сущий кошмар. Сквозь косые струи дождя Тейт различил мамины светлые волосы. Она стояла на краю трибуны. Он с ужасом увидел, как кто-то толкнул ее сзади, и она упала.

– Мама! – закричал Тейт, бросаясь к ней.

– Тейт! Иди в раздевалку! – Отец материализовался из пелены дождя, хватая его за запястье.

– Но мама...

– Иди! Я уведу маму. Ты – капитан. Ты отвечаешь за безопасность своей команды! – крикнул отец, крепко и быстро обняв сына, прежде чем подтолкнуть его к потоку людей, спешащих к школе.

Толпа подхватила Тейта и понесла его вдоль кромки поля вместе с бьющимися в истерике чирлидершами и паникующими родителями. Он собирался зайти в раздевалку. Он должен был выполнить наказ отца – убедиться, что его команда в безопасности. Но, чем ближе он подбирался к спасительному бетонному зданию, тем сильнее ощущал потребность остаться там, в самом сердце бури, сделать что-то... хоть что-нибудь...

Воронкообразное облако опустилось на землю на дальней стороне поля, вырывая металлические стойки ворот и раскидывая их по парковке, обрушивая крепления на легковушки и фургоны, – и на беспомощных людей, которые решили бежать к своим машинам, а не в школу. Вот тогда раздались по-настоящему истошные крики – смешиваясь с ветром и дождем, они создавали симфонию ужаса.

Торнадо сместился к центру поля, словно разыгрывая зловещую пародию на загубленный матч. Остановившись у кромки поля, Тейт наблюдал, как воронка приближается ко второй стойке ворот.

Сквозь дождь и ветер сверкнула огненная вспышка. На какой-то странный миг – миг, который Тейт никогда не забудет, – ему удалось различить фигурку девушки по имени Фостер. Она стояла на коленях, спиной к нему, рядом с темнокожей женщиной, своей соседкой по трибуне. Та лежала на боку, корчась и сжимая грудь, пока Фостер тщетно пыталась поднять ее на ноги.

В ужасе от того, что торнадо движется прямо на них, Тейт побежал. Сложив ладони рупором, он прокричал:

– Фостер! Уходи оттуда!

Девушка резко повернула голову, и он заметил, как широко распахнулись ее зеленые глаза, когда, взглянув через его плечо, она увидела черную воронку, неотвратимо надвигающуюся на них.

Он думал, что она побежит. Ей следовало бежать.

Но она не сдвинулась с места.

В это мгновение ему стало ясно, что она никуда не уйдет. Не оставит беспомощную женщину.

И еще он понял, что не успеет добежать, чтобы помочь им. Опоздает. Он остановился в надежде, что все это окажется сном. В надежде, что ему не придется увидеть, как прекрасную незнакомку засасывает в смертельную ловушку.

Оцепенев от ужаса, он смотрел, как Фостер поднимается на ноги. Вместо того чтобы броситься наутек, она расправила плечи и решительно двинулась навстречу ревущей воронке. Ее губы шевелились, но он не слышал, что она говорит. Наконец она остановилась, широко расставила ноги, уперла руки в бока и бросила слова прямо в пасть торнадо:

- ТЫ НЕ ПОСМЕЕШЬ ПРИБЛИЗИТЬСЯ!

Эти слова обожгли тело Тейта, отозвались в самой глубине души. Казалось, будто ее голос звучит внутри него, такой же осязаемый, как ветер и дождь, придавая ему особую силу – пульсирующую, kloкочущую, подобную той, что пробудил в нем недавно вихревой поток. Ее слова сдерживали торнадо, словно поводья – резвого жеребца. Тейт почувствовал эту невидимую привязь, и его разум, сердце и душа последовали за ней.

Девушка будто каким-то чудесным образом нажала на массивную кнопку паузы. Торнадо остановился! Прямо там, на середине пятидесятиардовой линии, воронка задрожала, бешено закрутилась, натягивая поводок, но не двигаясь вперед.

Тейт уставился на Фостер. Она выставила руки вперед, ладонями наружу, словно преграждая путь жужжащей воронке смерти и воздуха. Девушка задрожала. Она медленно попятилась назад – шаг, другой, – пока не споткнулась о тело лежавшей навзничь темнокожей женщины. Слезы текли по лицу Фостер, в широко раскрытых глазах плескалось безумие. Наконец их взгляды встретились.

- Помоги мне! – произнесла она одними губами, когда торнадо вырвался на свободу.

Тело Тейта пришло в движение, повинувшись инстинкту, незнакомому и в то же время будто бы привычному. Размахивая руками, он выбежал на поле и встал между Фостер и торнадо. Тейт вскинул руки и, следуя выработавшейся за годы футбольных тренировок привычке, направил эту вновь пробудившуюся силу, которая привязывала его к буре, прямо на воронку, выкрикнув те же слова, что произнесла и Фостер:

- ТЫ НЕ ПОСМЕЕШЬ ПРИБЛИЗИТЬСЯ!

Раздался звук, похожий на треск огромного дерева, в которое попал удар молнии, и торнадо рассыпался на множество маленьких, но все равно смертоносных воронок, бросившихся в разные стороны, вырывая куски земли и оставляя за собой следы разрушения, однако обходя стороной пятачок, на котором притулились Фостер, ее упавшая подруга и Тейт.

Тейт застыл на месте, не в силах пошевелиться, чувствуя, как его сила раскалывается вместе с торнадо, пока одно из только что образованных облаков-воронок – облаков, каким-то чудом созданных им самим, – неслось прочь от него по кромке поля, прорываясь сквозь толпу людей, пытающихся избежать смертельной ловушки, в которую превратились трибуны.

Все происходило у него на глазах. Тейт видел, как яркие волосы диснеевской принцессы исчезли в пасти воронки, как ненасытная пасть сорвала тренерскую куртку с плеч отца через секунду после того, как выхватила из его рук жену, – и в следующий миг торнадо поглотил обоих родителей.

3

ФОСТЕР

Снова ненадолго выглянуло солнце, протягивая свои длинные золотые щупальца сквозь пушистые белые облака. Словно насмехаясь над ними, солнечный свет ласкал перепачканные щеки Кору, как будто оживляя их, но ее дыхание становилось все более прерывистым, и блеск тускнел в глазах. Фостер опустилась на колени рядом с женщиной, вытирая с ее лица следы дождя и грязи.

– Кора, что с тобой? Где болит?

Ослабевшая Кора схватила Фостер за руку и притянула к себе.

– Слушай меня внимательно, малышка. – Ее дрожащий голос был едва слышен из-за рева ветра и криков людей.

– Фостер! Нам нужно убираться с этого поля! – прорвался голос Тейта.

Фостер едва взглянула на него через плечо.

– Нет. Без Кору я не уйду. – И снова повернулась к женщине, которая на протяжении последних пяти лет была ей и мамой, и папой, и лучшим другом. – Где болит? – повторила она.

Кора сжала ее руку с невесть откуда взявшейся силой.

– Это сердце, дитя мое. Тут уж ты ничем не поможешь.

– Еще как помогу! Кора, давай я отвезу тебя в больницу, – сказала Фостер, обхватывая Кору за плечи. – Мы доберемся туда.

– Нет, нет, дитя мое. Уже слишком поздно. А теперь слушай меня, слушай внимательно. – Холодная рука Кору сильнее сжала ладонь Фостер. – Она здесь.

– Она? Кора, ты бредишь. Это куча нелепых торнадо. Мы должны выбраться отсюда. Тебе нужен врач.

– Нет. Выслушай меня. – Взгляд Кору и ее тон мгновенно отрезвили Фостер.

Она не притворяется. Все более чем серьезно. О боже. Что с ней происходит? Что будет с нами?

– Ладно, ладно. Я тебя слушаю.

– Фостер! Нам надо уходить.

Фостер стремительно обернулась. Тейт сорвал с себя форменную майку и швырнул подплечники в сторону, где уже валялся его футбольный шлем. Он был готов бежать с поля. Фостер вскипела.

– Тогда иди! Никто тебя здесь не держит! – Она снова обратилась к Коре. – Говори.

- Торнадо не случайны. Я не знаю, как она пригнала их сюда, но они не случайны.

- Она... кто?

- Ева.

У Фостер перехватило дыхание.

- Ева? Из Суперчетверки доктора Рика?

Кора устало кивнула.

- Я видела ее. Если остальные - Матфей, Марк и Лука - тоже здесь, вы в большой опасности. Ты и тот мальчик. - Кора скосила глаза на Тейта, который уже прорыл траншею, шагая туда-сюда, но так никуда и не ушел.

- Тейт? Но это какая-то бессмыслица. - Сердце, стучавшее в ушах Фостер, казалось, пропустило удар. - Они что, хотят убить нас? Как убили доктора Рика?

- Дитя мое... - Кора замолчала, жадно глотая воздух, и ее лицо исказилось от боли.

- Да ладно тебе! Мы выберемся... - начала было Фостер, но рука Кору вдруг сжала ей запястье, точно тисками, и не дала двинуться с места.

- Мне недолго осталось. Ты должна меня выслушать. Они все заодно. Твой отец не умер. Он... - Кора вздрогнула, задыхаясь. - Он в беде. Не знаю, то ли он сошел с ума, то ли у них есть что-то на него. Знаю только одно: он жив.

Шок сковал Фостер, сжимая в узел внутренности, пока она не почувствовала позыв к рвоте. Сдерживая желчь и комок отчаяния, разраставшийся в горле, она несколько раз сглотнула, прежде чем заговорить.

- Н-не умер?

- Нет. И ему нельзя доверять. Он не тот человек, которого мы знали.
- Кора, я не понимаю. – Фостер впиалась ногтями в ладони, чтобы не разрыдаться.
- Малышка, ты не все о себе знаешь.
- Ты о моем джедайском трюке с разумом?
- Есть много... много чего еще. Вы связаны. Ты и тот мальчик. И другие. Я... я думаю, что твой отец и Суперчетверка здесь, и они охотятся за вами. За тобой и Тейтом. Постарайся, чтобы они не добрались до вас, Фостер. В полицию идти нельзя. Вы должны бежать. Сейчас же.
- Не знаю, о чем ты говоришь, но без тебя я никуда не пойду. – Горячие слезы текли по щекам Фостер.
- Ты должна. От этого зависит твоя жизнь. И его тоже. Как и других. Девочка моя, вот уже год, как я медленно умираю. С этим ничего не поделаешь, но я не могу уйти со спокойной душой, если ты не пообещаешь мне, что вытащишь отсюда Тейта и вы оба будете в безопасности.

Фостер вытерла глаза тыльной стороной ладони.

- И куда нам отправиться?
- На Сови-Айленд[11 - Крупнейший остров на реке Колумбия вблизи Портленда, США.]. Рядом с Портлендом. Ты ведь знаешь, где это, верно?

Фостер молча кивнула. Кора попыталась стянуть с плеча свою сумку, и Фостер наклонилась и помогла ей. Дрожа всем телом, Кора всучила Фостер кожаную сумку.

- Вот и хорошо. Ты моя умница. Возьми это. – Кора судорожно вздохнула и, собрав остатки сил, выпалила: – Адрес у меня в сумке. Там же коды к воротам и входной двери и письмо для тебя. Это объяснит все остальное, но не теряй время на чтение, пока не доберешься до Сови-Айленда. Все файлы находятся там. Тебе надо идти. По указанному адресу. Сейчас же. Бери Тейта и уходи.

Торопитесь. Ты знаешь, как оставаться незамеченной. От этого зависит ваша жизнь. Иди.

Фостер зарыдала так отчаянно, что слова вырывались прерывисто, с болезненными всхлипами.

– Только с тобой! Я не могу уйти без тебя!

Рука Кору заметно тряслась, когда она накрыла щеку Фостер ладонью.

– Я хотела побыть с тобой подольше. – Она поморщилась, и ее лицо побледнело до пугающего серого оттенка. – Но я хотя бы помогла тебе, – выдохнула она. – Помогла найти первого. – Она с трудом перевела дыхание, и ее взгляд скользнул поверх плеча Фостер. – Уведи ее сейчас же, мальчик. Я верю, что ты убережешь ее ради меня.

Фостер не оборачивалась, но чувствовала присутствие Тейта у себя за спиной. Водянистые глаза Кору смотрели на девушку.

– Я люблю тебя, моя малышка-земляничка. Всегда любила. С того момента, как увидела тебя. И всегда буду любить.

– Я тоже тебя люблю!

– Обещай, что сделаешь так, как я тебе сказала: Соби – письмо – мальчик. – Кора задыхалась после каждого слова, и ее голос дрожал от напряжения.

– Я обещаю, Кора! Обещаю!

– Спасибо, малышка. Теперь, наконец-то, я могу уйти с миром.

У Кору перехватило дыхание, ее глаза, такие родные карие глаза расширились, как будто она удивилась чему-то необыкновенному, и еще теплая рука обмякла, когда женщина испустила последний вздох.

Сердце Фостер билось так быстро и так невыносимо громко, что ей казалось, будто она сама превратилась в одно израненное, кровоточащее сердце посреди

футбольного поля.

– Кора! – закричала она. – Кора!

Сильные руки схватили Фостер за плечи, подняли с земли и оттащили от неподвижного тела Кору. Фостер сопротивлялась – брыкалась, визжала, требуя, чтобы ее отпустили, – но с таким же успехом она могла бы сражаться с кирпичной стеной.

– Эй! Прекрати! – рявкнул Тейт, почти волоком утаскивая ее с футбольного поля.

– Убери свои руки! Отпусти меня!

– Нет! Она мертва, Фостер. И она просила, чтобы я тебя берег. Я делаю то, что она мне велела.

Фостер почувствовала, как ее тело внезапно размякло, растаяло, словно мороженое на горячем асфальте, оставив лишь темное пятно – тень себя прежнего. Но она знала, что Тейт прав. И в глубине души признавала, что Кору больше нет. Она оглянулась на скорченное тело приемной матери, позволяя футболисту увести себя с поля, прочь от той единственной, кого считала своей семьей.

Она еще не сдалась окончательно. Все, что ей нужно было сделать, – это вырваться из рук парня и бежать. Кругом царил настоящий хаос – люди толкались, вопили, куда-то неслись. Он бы никогда не нашел ее в этой суматохе. Фостер обвела истеричную толпу острым взглядом, выбирая момент, чтобы броситься обратно, вернуться к Коре.

И вот тогда она увидела ее.

Еву.

Стремительным шагом та удалялась прочь от футбольного поля у противоположного конца разрушенных трибун. И все время крутила головой по сторонам, как будто выискивала кого-то. Не их ли?

Снова зарядил дождь, заслонив обзор, но Фостер несколько не сомневалась в том, что это Ева. Фостер узнала бы ее где угодно, хотя не видела Еву с двенадцатилетнего возраста. Эту женщину с бархатной темной кожей, коротко остриженными волосами и огромными серьгами-кольцами в ушах невозможно забыть. Миниатюрная – ростом всего-то около полутора метров, – она как будто заполняла собой все пространство, пока ее холодный, безучастный взгляд скользил по лицам охваченных паникой людей.

Фостер знала, что Кора была права. И, умирая, предупредила ее о Еве. Если я позволю Еве добраться до меня – добраться до нас, – смерть Кору будет напрасной.

Фостер встала как вкопанная, и Тейт, потеряв равновесие, споткнулся и едва не упал.

– Не туда. Нам нужно добраться до парковки. Найти машину, – прокричала ему Фостер.

Тейт кивнул.

– Сюда!

Они побежали, лавируя между обломками и упавшими людьми. Фостер старалась не смотреть на этих несчастных. Отказывалась даже думать о них, израненных, окровавленных и неподвижных.

Дождь усилился, хлестал наотмашь косыми струями; девушка, опустив голову, следовала за Тейтом. Они завернули за угол, огибая футбольное поле, и внезапно, в ужасе от открывшейся перед ней картиной, Фостер остановилась и разинула рот. У нее едва не подгибались колени от увиденного. Половина автостоянки исчезла под слоем коричневой перепаханной земли. Другая половина выглядела зоной боевых действий – с разбросанными повсюду искореженными машинами, секциями металлических трибун и человеческими телами. Боже, сколько же тел!

Не сейчас. Не думай о них сейчас.

Фостер поправила на плече сумку Кора и рванула вперед, к менее поврежденному участку стоянки.

– Мы должны найти машину. Ты на чем сюда приехал? – крикнула она. Сморгивая капли дождя, она оглядела пятак с уцелевшими машинами, который торнадо почему-то обошел стороной. – Ты приехал на машине? – повторила Фостер, и сердито обернулась, когда Тейт не ответил.

Парень стоял в паре десятков шагов от нее и смотрел прямо перед собой широко раскрытыми, немигающими глазами.

– Тейт! – Хлюпая по грязи, Фостер подошла ближе. – Нам надо ехать.

– М-м-мама? – Его подбородок дрожал, и Фостер не могла сказать, дождь или слезы заливали его бледные щеки. – Мама! – Он бросился вперед.

Фостер вцепилась в сумку и помчалась за ним.

– Тейт! – закричала она, протягивая руку и хватая его за локоть. – Стой!

– Отпусти! – зарычал Тейт и вырвался из ее хватки. – Я должен помочь своим родителям!

Фостер проследила глазами за его вытянутой рукой. Металл переплетался с металлом, формируя зловещую скульптуру. Длинные светлые волосы вырвались наружу из глубины этого металлического месива. Одну машину опрокинуло на крышу другой и вмяло с такой силой, что почти невозможно было разобрать, где какой кузов. Фостер стало не по себе, когда ее взгляд упал на заостреннейшие расплющенные пальцы, неуклюже выглядывающие из-под рукава темно-бордовой тренерской куртки.

– Папа! – Тейт резко подался вперед, когда ветер сменил направление и белокурые локоны Спящей красавицы обернулись вокруг скрюченной руки.

– Не надо. – Фостер нащупала предплечье Тейта и крепко ухватилась за него, чтобы не только удержать парня от броска к этому ужасному могильнику, но и самой устоять на ногах. – Они ушли. Как и моя Кора. Ушли навсегда. – Фостер

прикрыла глаза ладонью, когда внезапный порыв ветра обстрелял ее, как дробью, мелким гравием.

Тейт опять дернулся вперед.

- Не надо! - Фостер кинулась к нему. - Тейт, ты им ничем не поможешь!

Жар лизнул лицо Фостер, и мощной взрывной волной ее опрокинуло на спину. Крики эхом отдавались вокруг, и казалось, будто земля ходит ходуном. Фостер с трудом поднялась из грязи, жадно глотая воздух. Щурясь на пламя, взрывающееся вверх из груды переплетенных тел и металла, Фостер выискивала глазами белую фуфайку Тейта.

Он распластался на земле, засыпанный по пояс кусками дерева и металла. Фостер упала на колени рядом с ним, утопая голыми лодыжками в грязи, и потрясла его за плечи.

- Тейт! - прокричала она сквозь звон в ушах. - Вставай! Мы должны идти!

Веки Тейта дрогнули и открылись.

- Ч-что случилось?

- Давай же! - Фостер кое-как подняла его на ноги. Закинув его руку себе на плечи, она повела его прочь от огня, прочь от места упокоения его родителей, устремляясь к последнему ряду уцелевших машин на стоянке.

- Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, - шептала она, прислоняя Тейта к старенькому пикапу выпуска начала двухтысячных годов. Фостер вцепилась в ручку двери. - О, слава богу, - сказала она, выпуская долго сдерживаемый вздох. - Залезай. - Фостер снова подхватила Тейта и помогла ему забраться в ярко-красный пикап.

Обогнув передний бампер, она расстегнула молнию на сумке и не глядя вытащила гигантскую связку ключей Кору. Потом распахнула водительскую дверцу и, выбрав самый толстый и крепкий ключ, воткнула его в шов жесткой пластиковой обшивки внутренней части рулевой колонки.

– Мои м-м-мама и п-п-папа. Он-ни, они... – вырывалось у Тейта вместе с прерывистым дыханием.

– Пристегнись, – скомандовала Фостер, чувствуя, как наконец-то стихает звон в ушах. Пластик царапал кожу, и она морщилась, пока сантиметр за сантиметром просовывала пальцы в медленно растущую щель.

– Они, они, они... – повторял Тейт, пока его разум пытался переварить то, что он увидел.

– Эй! – рявкнула Фостер. – Мне нужно, чтобы ты сосредоточился, иначе нас ждет та же участь, что и всех этих людей. Пристегни ремень безопасности. – Кора учила ее, что в минуты неуверенности, стресса или паники лучше всего сохранять спокойствие и действовать шаг за шагом.

Ком снова подступил к горлу, и Фостер сморгнула слезы, обжигающие глаза. Она знала, что должна поступать так, как учила Кора, как вела бы себя Кора. Она должна отвлечь Тейта, вывести его из состояния горя, вернуть в игру.

– Орлан, – произнесла она настолько невозмутимо, насколько смогла, отдирая кусок привинченного пластика.

Белая компрессионная фуфайка Тейта, перепачканная грязью и сажей, почти сравнялась оттенком с нездоровой бледностью его лица, когда он повернул к ней голову. У парня вырвался судорожный вздох.

– Да? – слабым голосом произнес он. В грязной, растерзанной спортивной форме и ботсах он выглядел потерянным маленьким мальчиком.

У Фостер сжалось сердце. Она знала этот взгляд, знала, что у него на душе. Ей хотелось остановиться и сказать ему, что она понимает, каково ему сейчас, и что боль со временем стихнет, хотя и никогда, никогда не исчезнет, – пообещать, что однажды он обретет покой, жизнь войдет в привычное русло и все образуется.

Но она не могла. Сказать такое, когда Ева так близко, – значит солгать.

– Ты можешь пристегнуться? Я не заведу машину, пока ты этого не сделаешь.

С пустым взглядом Тейт потянулся через плечо, схватил ремень безопасности и защелкнул его.

Фостер стиснула зубы и в последний раз дернула пластик.

– Есть! – воскликнула она с облегчением, выбросив обшивку за дверь, прежде чем сесть за руль. – Видишь, что бывает, если поставить безопасность на первое место? – На мгновение ее губы дрогнули в ностальгической улыбке, когда она повторила слова Кору, которые слышала много, много раз.

Кору больше нет.

Страшная реальность вторглась в ее мысли, и улыбка снова сменилась печалью, а глаза наполнились слезами. Сможет ли она когда-нибудь искренне улыбнуться опять? В тот миг Фостер хотелось лишь одного – свернуться калачиком и дать волю тоске. Она только что потеряла еще одну мать, еще один дом, и их уже не вернуть. Она почувствовала себя зернышком, подхваченным с земли и унесенным прочь порывистым ветром, прежде чем оно успело прорасти и пустить корни.

Я не могу дать слабину. Не могу уподобляться Тейту. Иначе нам обоим не выбраться отсюда. Делай то, чему учила тебя Кора: думать – действовать – шаг за шагом.

Мысленно встряхнувшись, она вытерла вспотевшие ладони о мягкую обивку сиденья и полезла во внутренности рулевой колонки. Пальцы ощупали провода и металлические детали, пока не отыскали небольшую прямоугольную коробку с медной шпилькой, которую она так ясно себе представляла. Она выжала сцепление и повернула шпильку влево. Автомобиль заурчал, оживая, и Фостер молча поблагодарила интернет-богов, создателей магии YouTube.

– К-как ты научилась это делать? – спросил Тейт. Цвет начал окрашивать его щеки.

– Я на домашнем обучении. Вольнослушателем я много чего освоила. Вам, посещающим школу, такое даже не снилось. – Фостер нажала на газ и, поднимая тучи гравия, вырулила со стоянки на главную дорогу.

– А ты училась оказывать первую помощь? – Тейт протянул к ней дрожащую руку. Кровь струилась между пальцев, и он быстро снова прижал руку к ране на бедре.

– Тебе повезло. – Шины взвизгнули, когда она круто вывернула руль, объезжая поваленные ветки деревьев и искореженные автомобили. – Рядом с тобой сидит обладатель сертификата Американского Красного Креста по спасению и оказанию первой помощи... – Воздух вышибло из ее легких, когда она резко ударила по тормозам и ремнем безопасности ее прижало к сиденью. Повисла тишина, нарушаемая лишь скрипом «дворников» и настойчивым воем аварийных сирен.

Автостоянка, стадион Тейта – все это было ничто по сравнению с тем, что открылось их взорам.

Опрятный район по соседству со средней школой был полностью разрушен – будто посреди американской глухомани взорвалась бомба.

И люди. Они выползали из-под обломков и брели, спотыкаясь, израненные, истекающие кровью, онемевшие, похожие на зомби, скорее мертвые, чем живые.

Фостер отвернулась, испытывая приступ тошноты и жалости. Ее взгляд упал на окровавленную ногу Тейта. Она подняла глаза на бескровное лицо парня с застывшим на нем выражением ужаса. Медленно, словно пробираясь через месиво грязи, Тейт потянулся к дверной ручке дрожащими, перепачканными кровью пальцами.

Она откашлялась и включила первую передачу.

– Мы обработаем рану, как только доберемся до мотеля, – сказала Фостер, когда пикап тронулся с места, хотя ей едва хватало сил нажать на газ из-за дикой дрожи в ногах.

– Нет, мы должны остановиться. Надо помочь этим людям, – хрипло произнес Тейт, хватаясь за приборную панель и оставляя на ней кровавые отпечатки пальцев.

– Мы бы так и сделали, если бы могли, но мы не можем. – Чтобы унять дрожь в руках, Фостер сжала руль до боли в ладонях. – Послушай. Я слышу сирены. Помощь уже идет. С ними все будет в порядке, – солгала она, отводя взгляд от выживших, которые копошились среди обломков, как сломанные роботы.

– Но это мой родной город. – В голосе Тейта звучала такая боль, что Фостер невольно вздрогнула. – Здесь вся моя жизнь.

Теперь они оба бездомные.

Но она не остановилась. Даже не притормозила. Она просто вела автомобиль. Шаг за шагом. Шаг за шагом. Фостер гнала вперед по дороге, с трудом переводя дух, пока игрушки, одежда и воспоминания стали не более чем лежащими полицейскими под тяжелыми колесами.

– Это люди моего города. Я знаю их всю жизнь.

Все еще не в силах справиться с дрожью, она едва не врезалась в стену, когда влетела на парковку мотеля.

– Да, я понимаю, но...

– Где ты росла?

Пикап тряхнуло, когда она наехала на какие-то обломки, паркуясь недалеко от двери своей комнаты.

– Сначала в Сан-Франциско, потом в Портленде, но мы с Корой где только не побывали с тех пор, как... – В груди разлилась боль, и она замолчала. Ей не хотелось говорить о своем прошлом. Ни с Тейтом, ни с кем другим. Все, что она могла, это упрямо двигаться вперед. Если бы она остановилась ненадолго и поддалась мгновению покоя, ее сердце разбилось бы на множество частиц и ей бы никогда не удалось собрать их воедино.

– Тогда ты не поймешь, – продолжил Тейт. – Я вижу этих людей почти каждый день. Одних и тех же людей. Каждый день. Я не смог спасти своих родителей, но могу сделать что-нибудь для них. Они – все, что у меня осталось от моей прежней жизни с мамой и папой.

Фостер припарковала машину и повернулась к нему лицо.

– Послушай, я все понимаю. Мы оба потеряли близких, но...

– Перестань так говорить! – воскликнул Тейт, перекрикивая ветер, который уже подталкивал пикап, раскачивая его из стороны в сторону. – Ты вообще ничего не понимаешь! – Тейт грохнул кулаком по приборной панели. – Та женщина на поле, она не была твоей матерью. А у меня погибли и мама, и папа. Ты же просто потеряла спутницу, с которой путешествовала.

Фостер напряглась и выгнула спину, как разъяренная кобра, готовая к смертоносному прыжку.

– Слушай, Баклан, давай кое-что проясним прямо сейчас. Ты меня не знаешь. Ты не знаешь, что мне пришлось пережить. И ты не имеешь никакого права говорить о моей Коре.

– Когда я впервые увидел тебя, ты показалась мне симпатичной. Знаешь, что я теперь думаю о тебе? Я думаю...

Фостер жестом остановила его.

– Мне плевать, что ты обо мне думаешь. И к тому же... – Громоподобный удар, прорвавшийся сквозь проливной дождь, прервал ее тираду, заглушая вспышку гнева и отвлекая внимание от Тейта. Ветер успокоился и тихонько насвистывал в неплотно прикрытые окна пикапа, пока Фостер вглядывалась в здание мотеля, где трое до боли знакомых мужчин ходили от номера к номеру и стучались в дешевые грязные двери.

– Ложись! – прошипела она, повалив Тейта на сиденье. – Черт! – прошептала она ему в лицо, оказавшееся слишком близко. – Как они узнали, что мы с Корой остановились здесь?

Тейт сердито наморщил лоб, встретившись с ней взглядом.

- Просто это единственная гостиница в городе.

- Seriously? Боже, ну и город. Полный отстой. - Фостер насупилась. - И это не гостиница, а мотель. А теперь помалкивай и не высывай свою дурацкую башку.

Тейт нахмурился.

- Башка у меня не дурацкая. Или, по крайней мере, не такая уж и дурацкая, - прошептал он в ответ. - От кого мы прячемся?

Фостер поморщилась.

- От них. - Она осторожно выглянула из-за приборной доски. - Матфея, Марка и Луки.

4

МАРК

- Отцу это не понравится, - пробормотал Марк скорее себе, чем двоим спутникам, шагавшим рядом. Но, как обычно, Матфей, не пропуская мимо ушей ни звука, ответил - хотя Марк ни о чем и не спрашивал:

- Все хорошо. Девчонка должна быть здесь. Ева сказала, что видела, как та уехала на красном пикапе с мальчишкой после того, как Кора умерла. Это единственное место, где они с Корой могли остановиться. Мы просто будем стучать во все двери, пока не найдем их, а потом схватим, - успокоил его Матфей.

- Ничего хорошего. - Лука нервно провел пальцами по неестественно белым волосам, и в воздухе опасно зашипели и затрещали искры. - Эти чертовы дети

все испортили. Мы должны были действовать сразу, как только засекли Кору и Фостер, а мы этого не сделали, и теперь каждая чертова станция новостей на Среднем Западе сообщит о новой катастрофе.

– Уймись, Лука. Посыпать голову пеплом – не лучшая идея в нашем положении, – сказал Марк брату, отступая подальше от искр. – На вот, выпей и остынь. – Он машинально полез в дорожный рюкзак, перекинутый через плечо, и, вытащив бутылку «Гаторейда», кинул ее Луке. Потом откинул с лица длинные темные волосы, наслаждаясь их влажной гладкостью. Вода – все, что омыто водой, приятно на ощупь. Он мысленно встряхнулся и окинул своих спутников взглядом. – Мы были не в состоянии помешать тому, что произошло, – строго произнес Марк.

– Чушь собачья! Надо было сразу схватить Фостер, а Тейта забрать после игры, – возразил Лука. Открыв бутылку, он осушил ее одним долгим глотком.

– Нет. Как сказала Ева? И говорил нам Отец? Дождитесь, пока Тейт и Фостер встретятся. Чтобы посмотреть, что произойдет. Затем возьмите их, если они проявят свою стихию. – Матфей заговорил прерывисто, как бывало, когда его переполняли эмоции. – Я вызвал торнадо, как велел Отец. Я же не знал, что эти двое детей все испортят. Надо же, такие могущественные! – Воздух вокруг него завихрился, вздымая лохматые, невзрачные волосы, и его руки мерцали, то и дело исчезая из вида, как недорисованные фрагменты дешевого мультлика.

Марк замолчал и посмотрел на мужчин, которых называл братьями. Он глубоко вздохнул, осознав, что стоит в луже воды, не имеющей никакого отношения к прошедшей буре. «Боже, как я ненавижу, когда Ева оставляет меня за старшего. Клянусь, когда-нибудь я пошлю их всех к черту. Просто уйду. Исчезну. Буду сам по себе. Жить обычной жизнью». Одна только мысль об этом успокаивала, и его следы на асфальте тут же высохли.

– Угмонитесь. Вы оба. Контролируйте свои стихии. – Он пронзил Матфея мрачным взглядом. – Воздух сегодня уже достаточно наигрался.

– Но я не...

– Мы знаем. – Марк не дал ему договорить. – Это были дети. Но сейчас это твоя работа. – Марк обвел рукой пространство вокруг них, где гулял завывающий

ветер.

– Ладно, ладно. Ты прав. Я понял. Сейчас все исправлю. – Матфей закрыл глаза, явно сосредотачиваясь, и потер руки, как будто ему было холодно. Клубящиеся тучи и порывистый ветер начали рассеиваться – при этом руки Матфея постепенно обретали форму и цвет.

– А ты учись владеть собой, – сказал Марк Луке. – Еще не хватало нам пожара, чтобы отвлечь внимание от того хаоса, – Марк кивнул в сторону стадиона, – и привлечь к этому. И у нас нет времени подключать тебя к капельнице. Так что держи себя в руках, Огонь.

Лука что-то буркнул в ответ, но все-таки сделал несколько глубоких, успокаивающих вдохов и выдохов, и искры, сопровождавшие каждое его движение, погасли.

– Порядок. А теперь давайте стучаться в двери, – сказал Марк.

– Что мы будем делать, когда найдем их? – спросил Матфей.

Марк испустил долгий сердитый вздох.

– Будем делать то, за чем нас сюда и послали. Мы скажем им, что они должны пойти с нами. – Он поднял кулак и забарабанил в ближайшую дверь.

– Кто вы и что вам нужно? – раздался из глубины комнаты старушечий голос.

– Прошу прощения, мэм. Я просто ищу свою дочь. Ей всего четырнадцать, но она выглядит на двадцать один, если вы понимаете, что я имею в виду. Полагаю, она прячется где-то здесь с одним отморозком.

– Только не в этой комнате! Убирайтесь! – прокричала старушка. – И лучше следите за своими домашними. Женщины ведут себя плохо, только когда мужчины – дураки!

Марк пропустил ее слова мимо ушей, направляясь вместе с братьями к следующей двери.

- А что, если они не захотят? - спросил Лука.

- Не захотят чего? - Марк постучался в соседнюю дверь.

Лука бросил на него недовольный взгляд.

- Пойти с нами.

Дверь приоткрылась - насколько позволяла дешевая цепочка.

- Что надо? - пробасил мужской голос.

- Простите, сэр. Я ищу свою дочь. Она сбежала из дома, - сказал Марк.

Мужчина захлопнул дверь прямо перед носом Марка. Еле сдерживаясь, чтобы не вспылить, он двинулся к следующей двери.

- Они еще дети. Им едва исполнилось по восемнадцать. Мы взрослые, мы старше и умнее их. Мы сделаем так, как велела Ева, - скажем Фостер, что ее приемный отец жив, нуждается в ней и послал нас за нею. Она пойдет с нами. А Тейт - подросток. Он последует за Фостер. В общем, все это вряд ли будет чертовски сложно, - угрюмо произнес Марк, подходя к еще одной ободранной двери.

- Да, я бы сказал то же самое, если бы не видел, как они стерли целый город с лица земли, - заметил Лука. - Думаю, теперь не так-то просто заставить их сделать то, что нам нужно.

Марк покачал головой.

- Они на самом деле не знают, как все это делается. Даже не догадываются. То, что там произошло, вышло у них случайно и только потому, что мы сами спровоцировали их. Точка. - Он постучался и стал ждать. Ни звука. Он постучал в дверь еще раз. Опять тишина. - Ладно, номер двенадцать пуст. Запомните это. Возможно, мы застанем ее здесь. В такую бурю трудно вести машину, особенно ребенку. - Они подошли к другой двери. - И мы должны помнить, что они напуганы. Они не понимают, что происходит. Насколько мы знаем, они думают,

что эти торнадо охотятся за ними. И для нас это хорошо. Они нуждаются в том, чтобы мы научили их контролировать силу, которой они обладают. А до тех пор они опасны как для самих себя, так и для окружающих.

– Да, но воздух никогда не причинит им вреда. Я чувствую, как они уже привязаны к стихии. – Голос Матфея прозвучал слишком плаксиво для мужчины тридцати шести лет.

– Думаешь, они об этом знают, гений? – саркастически заметил Лука.

Марк уже занес было руку, чтобы постучаться в соседнюю дверь, но Лука остановил его, схватив за плечо.

– Какого цвета, по словам Евы, был пикап?

Марк проследил за взглядом Луки, устремленным в сторону парковки, где стоял красный «шевроле», без пассажиров, но с работающим на холостом ходу двигателем. Машина занимала место, которое еще несколько мгновений назад пустовало.

– Красного.

В этот самый момент из-за приборной панели вынырнула девичья головка. Марк с облегчением узнал ярко-рыжую шевелюру Фостер.

– Это она. Идите за мной, но улыбайтесь. Говорить буду я. – Марк украдкой огляделся по сторонам. На парковке не было ни души. Все либо рванули на стадион, либо попрятались в домах, но он не хотел рисковать. На мгновение он замер, сосредотачиваясь, собираясь с мыслями, прислушиваясь к волнующему влажному бурлению крови в теле. Он последовал за этим звуком – за этим восхитительным ощущением, – увлекая за собой и свою стихию. – Пусть прольется дождь, – прошептал Марк.

Знакомая дрожь пробежала по телу. Призывая силу своей стихии, он всегда испытывал пьянящий восторг. С серого неба начал накрапывать дождь. Марку это нравилось. Нравилось, как соблазнительно скользили струи дождя по коже, лаская его, наполняя до краев. Его не смущала сгущавшаяся за пределами его

видения пульсирующая темнота, где дрожали и корчились мрачные твари, сопровождавшие его силу, его жизнь, его сны наяву. Плащеносные акулы. Они являлись всякий раз, когда он вызывал свою стихию, Воду. Таились на обочине сознания, сидели в засаде и ждали своего часа.

Будь Ева рядом, она бы строго напомнила, что это всего лишь галлюцинации и они могут навредить ему, если он позволит им окончательно свести его с ума.

Но Ева знала далеко не все. Она не могла знать того, что глубоко сидело в беспокойном сознании Марка.

Однажды плащеносцы с их текучими гибкими телами, невозможно большими ртами и плоскими, острыми как бритва зубами вырвутся на волю, и он не сможет их остановить.

Когда-нибудь плащеносцы сожрут его живьем.

– Они не настоящие. – Тепло руки Луки на его плече привело Марка в чувство.

Когда-нибудь плащеносцы поглотят его, заполонят, уничтожат, но это будет не сегодня.

– Я сказал, следуйте за мной. – Быстро шагая сквозь вызванный им дождь, Марк направился к пикапу. Он ухмыльнулся и помахал рукой, когда голова девчонки снова скрылась под приборной доской. – Лейси Энн! Это папочка! Девочка моя, мы с твоими дядями так волновались за тебя, вот приехали за тобой! – Марк добавил деревенского говора. – Ох, и долбанул этот проклятый торнадо, да?

Он был всего в нескольких шагах от пикапа, когда Фостер снова высунула голову – как и мальчишка, Тейт, который сидел рядом с ней на пассажирском сиденье. Марк поднял руку, будто смахивая с лица капли дождя, чтобы лучше разглядеть ее, и тут пикап рванул задним ходом. Фостер выполнила эффектный разворот – словно за рулем не ребенок, а профессиональный каскадер, – и, обсыпав их гравием, вывела ревущий «шевроле» на главную дорогу.

– Проклятье! – выругался Марк, устремляясь к «ренджроверу», припаркованному на другой стороне двора, и следом за ним бросились Матфей и Лука.

ФОСТЕР

– Что это было, черт возьми? – недоумевал Тейт. – Эти ребята, наверное, нуждались в нашей помощи.

– Почему ты так решил? Потому, что они ломались во все двери мотеля и прекратили, только когда увидели меня? Или, может, потому, что они бросились за нами в погоню?

– Возможно, они искали выживших или... я не знаю... – Тейт потер рукой щеку, размазывая кровь вперемешку с грязью. – Разве тот парень не принял тебя за свою дочь? Может, это просто обеспокоенный отец, напуганный торнадо. Почему ты так гонишь? Если шериф Джеймисон...

– Господи! Заткнись! Тот, кого ты принял за милого невинного папашу, преследует нас, и его отморозки с ним заодно. Я их вижу. Это плохие парни. Вот почему я так гоню.

Тейт застонал и схватился за ногу, повернувшись, чтобы посмотреть в заднее окно. Фостер сделала мысленную пометку: помни, что Баклан ранен. К сожалению, она не могла сделать остановку, чтобы купить бинты и средства для промывки раны. Боже, Кора, он уже – заноза в заднице.

– Слушай, ты права. Это ведь они на черном «ренджровере»?

– Да.

– Они приближаются. Ты же знаешь, что эта тачка может запросто обогнать старый «шеви»?

«Шевроле» взвизгнул покрышками, когда Фостер вывернула руль, уворачиваясь от упавшего на полосу дороги дерева.

– Эй! Осторожно! Ты нас погубишь! – крикнул Тейт, спешно пристегиваясь ремнем безопасности.

– Просто заткнись и не мешай мне вести машину, – огрызнулась Фостер, лихорадочно соображая, как выбраться из этой передраги. Она бросила взгляд в зеркало заднего вида и успела увидеть, как легко «ренджровер» объехал упавшее дерево.

– Я заткнусь, если ты посвятишь меня в свой план и расскажешь, кто эти люди, – не унимался Тейт.

– У меня нет никакого плана, и об этих людях я знаю только то, что они плохие. Остальное знала Кора. – Фостер крепко вцепилась в руль скользкими от пота ладонями. Нога противно ныла, вжимая педаль газа в пол – и все равно «ренджровер» неумолимо приближался.

– Кора умерла.

– Мне это известно. – Фостер стиснула зубы, не отрывая взгляда от дороги. Из-за таких, как он, я и ненавижу людей. Они безнадежно глупы.

– Так раз она мертва, как ты узнаешь, что нужно этим парням и...

– Тейт! Заткнись. Черт. Возьми. Я знаю только то, что им нужны мы, они опасны, и Кора сказала мне, что нам надо бежать от них. Что мы и делаем. Боже! Как бы сделать так, чтобы торнадо спустился с небес и унес их подальше от нас!

В кабине пикапа снова воцарилась неловкая тишина, нарушаемая лишь дребезжанием стекол и ревом натруженного мотора. Но Фостер чувствовала на себе взгляд Тейта. Чувствовала так явственно, будто он прикасался к ней... скользил рукой по ее коже... У нее перехватило дыхание, а кровь зашипела в венах, когда тепло разлилось по всему телу.

– Ты чувствуешь?

Голос Тейта заставил ее подпрыгнуть.

– Чувствую что? – переспросила она.

Тейт задрожал, как лошадь, отгоняющая мух.

– Это ощущение на коже. Оно началось, как только ты сказала, что хотела бы вызвать торнадо...

Рев опускающегося воронкообразного облака оборвал слова Тейта. Фостер приклеилась взглядом к зеркалу заднего вида, замороженная зрелищем. Каменно-серый столб торнадо коснулся земли позади пикапа, аккуратно отрезая путь «ренджроверу» и всем, кто имел несчастье следовать за ними.

– Спасибо, – машинально прошептала Фостер, тут же устыдившись собственной глупости.

Я не могла сотворить такое. Это не я. Верно?

– Не за что. Скажи, ты тоже это почувствовала, да? – спросил Тейт.

Фостер нахмурилась.

– Так, во-первых, я не тебя благодарила. Я сказала спасибо... мм... вселенной. – Она ткнула большим пальцем за спину. Тейт повернулся в кресле и опять поморщился от боли. Фостер покосилась на его ногу. Алое влажное пятно расплзлось на ткани его спортивных брюк. Дело дрянь. Надо срочно остановить кровь и обработать рану. – А во-вторых, о каком чувстве ты говоришь?

Тейт все еще сидел вполоборота и тарачился назад, будто не слыша ее.

– Чче-е-ерт. Этот торнадо не шутит. Никто не проскочит мимо него. Seriously. Он буквально застолбил место и крутится, словно его заглоучило, как в видеоигре.

Фостер мысленно закатила глаза. Он еще и геймер.

Тейт наконец сел прямо.

- Теперь можешь сбавить скорость.

Фостер кое-как удалось расслабить ногу, чтобы отпустить педаль газа.

- Ладно, давай, скажи, - произнес Тейт.

Фостер повернулась к нему и увидела, что он пристально смотрит на нее.

- Что сказать?

- Что ты тоже это почувствовала. Как тогда, на футбольном поле. Что-то произошло со мной. С нами. Я ощутил это всей кожей. Скажи мне, что с тобой было то же самое.

Фостер не отрывала глаз от полотна шоссе. Она вздохнула и выпалила первое, что пришло на ум:

- Честно говоря, единственное, что я хочу сказать тебе прямо сейчас, это чтобы ты, как советуют в одной книжке с картинками, шел бы на фиг спать.[12 - Имеется в виду книга «Go the F**k to Sleep», написанная американским автором Адамом Мэншбахом и проиллюстрированная Рикардо Кортесом. Издание позиционируется как «детская книга для взрослых» и является пародией на сборник сказок на ночь.] - Тепло защипало кожу, и Фостер застыла в ожидании чего-то неведомого.

В дребезжащей тишине кабины внезапный зевок Тейта прозвучал оглушительно громко.

- Черт, я что-то ничего не соображаю. Нога болит. Я так устал. Все, что произошло сегодня, кажется ненастоящим... - Он уперся локтем в окно, уронил голову на кулак и снова широко зевнул. - Не могу поверить, что мамы и папы больше нет. Это ведь не наяву, правда? Скажи мне, что это всего лишь ночной кошмар и скоро я проснусь в своей постели и мама крикнет, что я опоздаю, если не потороплюсь.

- Да, - выдавила она из себя, смягчив голос. - Если станет легче от того, что мы назовем это ночным кошмаром, я не возражаю. И, к счастью, мы уже почти за

городом.

Потому что твой городишко размером с гипермаркет Walmart. Она не стала произносить это вслух. Лучше не дразнить засыпающего медведя.

- Подожди, о чем я говорил? Башка совсем не варит.

- Отдыхай, пока я веду машину. Насколько я помню, чуть дальше по дороге будет мини-маркет. Я сбегая, куплю бинты и прочее, чтобы обработать твою рану на ноге, и прихвачу кое-что из еды. Может, повезет и у них даже найдется что-нибудь из одежды... - Она мельком оглядела свою изорванную толстовку с прилипшими комьями грязи. - Вот увидишь, тебе станет лучше, когда ты поспишь, переоденешься и поешь.

- Хорошо, но когда я проснусь, мы вернемся туда и начнем помогать людям, - пробурчал Тейт. Веки его отяжелели и сомкнулись.

Фостер поправила зеркало заднего вида. Грозное облако все еще терзало небо, и сквозь марево дождя едва виднелся столб торнадо, однако «ренджровер» Матфея, Марка и Луки пропал. Но комок беспокойства засел у нее в животе, тяжелый и толстый, как будто она переела сыра.

Она чувствовала это. Глупо было бы отрицать. Впрочем, ей не хотелось говорить об этом с Тейтом. С какой стати? Разве можно ему доверять? Незнакомцу? К тому же тогда ей пришлось бы признаться и в том, что она тоже чувствовала, как работал ее джедайский трюк. Фостер скосила глаза на Тейта.

Как она и думала, Тейт вырубился и спал так крепко, что руки парня дергались во сне.

Неужели у меня получилось и это?

Затерявшись в своих мыслях, Фостер едва не проскочила мимо возникшего из ниоткуда минимаркета. Она притормозила и резко свернула к покрытой гравием автостоянке.

Тейт вскинул голову и неодобрительно хмыкнул.

– Извини. – Фостер не стала заглушать двигатель. – Будут какие-нибудь пожелания?

В полусонном или, возможно, полубессознательном состоянии Тейт пробормотал что-то нечленораздельное и отмахнулся от нее.

– Ладно, тогда чур не ныть, если я не принесу тебе ничего вкусенького. – Фостер перекинула сумку через плечо и с отвращением поскребла спутанный пучок волос на затылке. Голова зудела. И лицо. Черт возьми, открытые участки тела чесались все сильнее по мере того, как грязь подсыхала, стягивая кожу и превращаясь в уродливые струпья. Фостер пошарила за сиденьем, схватила пыльную кепку и натянула ее, прикрывая всклокоченные волосы. Вздохнув, она кое-как стряхнула с влажной толстовки комья грязи, вышла, захлопнула дверцу машины и, опустив голову, поспешила к магазину под нескончаемым дождем.

Бум! Фостер насторожилась, распахивая грязную, залитую дождем дверь. Бум! Бум, бум!

– Черт тебя дери, долбаный телевизор. Работай! – Детина отвел бледную пухлую пятерню и снова шлепнул по боку громоздкого ящика. Бум!

– Э-э... – Фостер откашлялась и, отпустив дверь, зашла внутрь, стряхивая с лица брызги воды и ошметки бог знает чего еще. – Прошу прощения?

Продавец прыгнул с табурета, поморщившись, когда ноги коснулись пола.

– Угодила в эту бурю, да? – Он обтер пожелтевшим носовым платком пунцовые от напряжения щеки. – От такого дождя даже зонт не спасет. Зарядил капитально. – Он полез за ухо и достал зубочистку. – Эти бури вдруг стали жить своим умом. – Он хмыкнул и, зажимая зубочистку губами, почесал выпирающий живот.

– Ага. – Включился кондиционер, и Фостер поежилась, когда на нее хлынул холодный воздух. – Мне просто нужно кое-что... лейкопластырь, вода... – Она прикусила нижнюю губу, чтобы зубы не клацали.

– Это там, рядом с таблетками от головной боли и всякими дамскими штучками. – Он подмигнул и указал в дальний конец магазина.

– Спасибо. – Фостер попыталась вымучить из себя вежливую улыбку, но почувствовала, как ее губы скривились в гримасе отвращения. Как бы она ни старалась, вежливость всегда давалась ей трудно, особенно по отношению к увальням-неандертальцам. Хотя, возможно, она не очень-то старалась.

Подошвы заскрипели по липкому кафельному полу, когда Фостер двинулась по проходу между рядами, сопровождаемая звуками ударов по ящику. Со знанием дела она хватала с полок свои любимые снеки, пробираясь вглубь. В последнее время ей частенько доводилось заглядывать в придорожные магазины, и она уже знала наверняка, что из предлагаемого здесь пищевого мусора задержится в желудке, а что заставит бежать из машины к ближайшей канаве у обочины. В животе заурчало, словно в напоминание. Она не раз ошибалась.

Держась как можно дальше от потока прохладного воздуха, она взяла несколько бутылок воды, чтобы не только напиться, но и промыть рану Тейта и ополоснуть свои грязные руки и лицо.

Придерживая подбородком коробку с широким пластырем и упаковку марли, она прихватила бутылочку перекиси водорода, тюбик мази с тройным антибиотиком и, нагруженная, поплелась к кассе.

– И я еще возьму парочку этих. – Она схватила со стойки возле кассы две футболки с надписью «МЕНЯ ЛЮБЯТ В МИССУРИ» и бросила их поверх своих покупок.

Продавец хмыкнул, вынимая изо рта жеваную зубочистку и тыча ею в экран телевизора.

– В этих чертовых бурях всегда застревают по двое.

Дрожавшее изображение прояснилось, и у нее участился пульс.

Она увидела себя.

– Один идиот снимает все это на свой дурацкий смартфон, – продолжил мужчина. – А второй там, в самой гуще. Тупые деревенщины.

Нет, это были они. Она смотрела, как Тейт присоединяется к ней и они вдвоем поднимают руки, останавливая смерч.

– Ну и ну... – Он уронил руку, и зубочистка с глухим стуком ударилась о прилавок и отскочила на пол.

У Фостер пересохло во рту, и она с трудом сглотнула, наблюдая, как Тейт отводит руку назад, и... Экран снова зарыбил, и изображение пропало.

Она надвинула кепку на глаза и безуспешно попыталась прикрыть дыру на груди промокшей толстовки.

– Вот, посчитайте. – Ее руки дрожали, пока она рылась в сумке в поисках бумажника Кору.

– Эй, это же ты посреди того футбольного поля. – Он присмотрелся к ней, задерживаясь взглядом на руках в запекшейся грязи, порванной толстовке и, наконец, на хвосте из длинных перепачканных волос, перекинутом через плечо. – Разве нет?

– Я? – Вместо непринужденного смеха у нее получился скорее сдавленный крик осла. – Не-а. – Она пожала плечами. – Вовсе не я. Я не фанатка спорта. А футбол так вообще не перевариваю. – Она прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы удержаться от нервного блеяния.

– Нет-нет, это была ты. – Жидкие волосенки затряслись на его голове, когда он энергично закивал. – Толстовка «Пантеры». Рыжие волосы. Что ты сделала с этим торнадо? Уж я-то повидал их немало. В последние месяцы они налетают чуть ли не каждые две недели, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь их остановил. Вот так, как ты. Будто приказала, а они послушались. – От волнения он перешел на скороговорку и загнусавил еще сильнее. – Вот дела. Я должен позвонить своему кузену Бобби. Он работает в новостной студии. Наверняка заплатит не меньше полсотни баксов за реальную историю про укрощение торнадо. – Он сделал паузу, вытаскивая телефон из кармана. – Кем бы ты ни была.

- Постой! Ты этого не сделаешь. - Фостер заговорила автоматически, мысленно призывая его услышать ее. В тот же миг по ее телу пробежал заряд, и кожу будто обдало горячим ветром - хотя и без толку.

Но тут толстяк заговорил, и Фостер осознала, что это на самом деле произошло - впервые, потому что она не считала тот раз, когда случайно усыпила Тейта.

- Нет, пожалуй, не стану я ему звонить. - Его плечи поднялись и опустились в усталом вздохе. - Или как?

Фостер захлопала ресницами.

- Черт возьми, сработало. Надо же, у меня получилось.

Он в недоумении сдвинул густые брови, усеянные капельками пота.

- Ну, ладно. - Фостер взглянула на его бейдж. - Билли Боб, серьезно?

- Назвали в честь дяди и отца. - Он гордо улыбнулся.

- Да я так просто, - покачала она головой. - Короче, все это я беру, а ты не вспомнишь о том, что видел меня здесь.

- Я никогда ничего не помню. - Он кивнул. - Пакет нужен? - спросил он, уже укладывая ее покупки в бумажную сумку.

- Хм, спасибо... спасибо, Билли Боб.

Он достал из-за уха еще одну зубочистку и сунул ее в рот.

- Всегда рад.

Фостер уже подходила к двери, когда ее кольнуло чувство вины.

– Черт. – Она вытащила пару скомканных двадцатидолларовых бумажек и вернулась к прилавку. – За все. – Она сделала широкий жест рукой, указывая на пакет с покупками и покрытый рябью экран телевизора.

Фостер выскочила из мини-маркета, задорно подпрыгивая от возбуждения.

– Кора лишится чувств, когда я расскажу ей... – Она резко остановилась возле машины, сломленная болью и печалью.

Она уже никогда и ничего не расскажет Коре.

Фостер согнулась пополам. Рвота хлынула изо рта, усеивая влажный гравий разноцветной россыпью леденцов.

Она отерла губы тыльной стороной дрожащей ладони.

– Возьми себя в руки, Фостер. Ты не заставишь этого парня пойти с тобой, если сама развалишься на части, а Кора сказала, что его надо взять. Так что... – Она достала из пакета бутылку воды и прополоскала рот, а потом дернула ручку двери и забралась на сиденье. – Я раздобыла все, что нужно для обработки раны, – объявила она, подавляя отчаяние. – И немного вяленой говядины. Короче, дорожный минимум.

Тейт, привалившись головой к окну, что-то буркнул. Легкий храп вырвался из его приоткрытых губ, и Фостер выехала на двухполосное шоссе. Горячие слезы беззвучно катились по ее щекам.

6

ФОСТЕР

Впереди тянулась автострада, окаймленная ровной, сухой, коричневой пустошью. Все штаты Среднего Запада выглядели одинаково, и Фостер не терпелось вернуться на Западное побережье. Она сделала глоток воды из почти

опустевшей бутылки, мысленно ругая себя за то, что не купила в минимаркете несколько банок «Ред Буллз».

Господи, Кора, нашла тоже время, когда помереть, возмутилась Фостер, выныривая из омута горя и перескакивая в реальность злости. Всего за час до того, как я успешно исполнила свой джедайский трюк с разумом – дважды! И не со злым умыслом, как бывало при прежних попытках. Впрочем, кто назовет злым умыслом желание увильнуть от выполнения домашнего задания? Ну, я имею в виду, кто кроме Кору? В любом случае, Фостер тряхнула головой, стараясь удержаться на волне гнева, суть не в том. На этот раз я провернула трюк во благо, а Кора даже не увидела. И страшно подумать, что могло бы произойти, если бы он не сработал. Тейт надоел бы мне до смерти, а тот олух мог погубить нас своим звонком. В сотый раз она посмотрела в зеркало заднего вида. Нас поймали бы и убили. Ева и ее мерзкие прихвостни. Как они это сделали с доктором Риком.

Она прищурилась, опуская козырек, чтобы заслониться от слепящего солнца, которое медленно сползало к линии безоблачного горизонта.

Постой-ка. Нет, он же не мертв – пропал без вести. Кора сказала, что доктор Рик жив. Надежда вспыхнула в сердце, но так же быстро погасла. Доктор Рик жив, но... ему нельзя доверять. В памяти всплыли слова Кору. Он не тот человек, которого мы знали.

Как бы невероятно это ни звучало, Фостер верила Коре безгранично, каждой клеточкой своего тела.

Если Кора сказала, что доктор Рик жив, – значит, он жив.

Если она сказала, что он стал плохим парнем, – так оно и есть.

Фостер верила Коре, но от этого сердце щемило не меньше. Она усердно моргала, отказываясь плакать.

Ладно, все по порядку. Для начала надо добраться до Соби живыми и невредимыми. Потом прочитать письмо Кору. Там должно быть объяснение всему этому безумию. Кора всегда...

– Ты что, меня похитила?

Фостер дернулась от неожиданности, едва не врезавшись во встречный седан.

– Уф, нет. – Маскируя оплошность, Фостер включила сигнал поворота и медленно перестроилась в соседнюю полосу. – Ты уснул пару часов назад.

– Пару часов? – Жилы вздулись на шее Тейта, пока он ерзал, выглядывая во все окна. Его лицо исказила гримаса боли, когда рана на ноге открылась и начала кровоточить. – Ой! Черт! – Он прижал руку к бедру и заговорил сквозь стиснутые зубы. – Мы в дороге уже два часа?

– Добро пожаловать в Небраску. – Фостер театрально взмахнула рукой. – Ничуть не лучше Мизери, если хочешь знать мое мнение.

Он провел ладонью по волнистым темным волосам.

– Не могу поверить, что ты позволила мне проспать два часа!

Тихо вздохнув, Фостер склонила голову набок.

– И для меня это были самые спокойные часы, с тех пор как мы встретились.

– Останови машину. – Взгляд Тейта, почти осязаемый, наполнил кабину густым напряжением.

– Только когда закончится бензин. – Она крепче сжала руль. – И это, между прочим, пикап, – добавила она с напускной небрежностью.

– Останови пикап. – Его шея залилась ярко-красным, под цвет старого пикапа.

– Нет, только на заправке, – стояла на своем Фостер.

– Ладно. – Тейт отстегнул ремень безопасности.

– Что ты делаешь? – Фостер заметалась взглядом между ним и дорогой.

Он щелкнул замком.

– Выхожу из пикапа, – произнес Тейт так буднично, будто рассказывал о том, что съел за обедом в тот день.

Фостер разразилась истеричным смехом.

– У меня скорость за сто.

– Тогда останови пикап, – сказал Тейт с холодной решимостью.

Фостер нахмурилась.

– Ты этого не сделаешь.

Еще раз равнодушно пожав плечами, Тейт приоткрыл дверь.

Шины взвизгнули, когда Фостер ударила по тормозам и съехала на обочину.

– Да что с тобой такое, черт возьми? – рявкнула она, выскочив из кабины и налетев на парня с другой стороны пикапа. – Ты чуть не спрыгнул на ходу. На хайвее! Да тебя бы по кусочкам собирали не один день! – крикнула она, увидев, как он захромал в обратном направлении, вытянув руку с оттопыренным большим пальцем. – И что дальше? Будешь добираться автостопом? О, да, конечно. Здорово придумал. Ничего, что ты похож на психа, если не хуже, весь грязный, с кровоточащей раной на ноге?

Тейт развернулся так быстро, что Фостер, следовавшая за ним, чуть не врезалась ему в грудь.

– Я же просил тебя остановить чертов пикап!

Над головой прогремел гром, небо вокруг них потемнело.

– А я говорила тебе, что нам нужно убраться как можно дальше от Багтассла, из этого гребаного Мизери! – Хлынувший дождь охладил липкий горячий воздух,

клубившийся между ними.

– Почему? – Тейт взмахнул руками. – Потому что какая-то незнакомая мне женщина сказала какую-то хрень, которую я так и не понял?

– Вряд ли ты все понимаешь из того, что говорят другие. – Внезапный порыв ветра забросал ее голые щиколотки ошметками грязи и камнями.

– Я не тупой, Фостер! – воскликнул Тейт, пытаясь перекрыть раскат грома. – В моей жизни все было тип-топ, пока я не встретил тебя. Даже идеально.

Фостер не смогла удержаться от скептического смеха.

– Жизнь в вонючем американском захолустье была идеальной? Да в вашем городишке всего два светофора! Черт возьми, если это идеал, тогда ты еще глупее, чем я думала.

– А ты еще стервознее, чем я думал! Надо же быть такой сукой!

Фостер широко раскрыла глаза, чуть не задохнувшись от возмущения.

– Неудивительно, что все называют тебя Бакланом! – Крупные капли дождя упали на плечи девушки, украшая ее новую серую футболку пятнами цвета копоты, в тон бушующему небу над головой.

– Никто не называет меня Бакланом! Никто! Кроме тебя! Если бы я хотел, тоже мог бы придумать тебе какое-нибудь дерьмовое прозвище! Хотя что может быть хуже мерзкой суки!

Вот опять. Слово на букву «С». И это он про нее. Будь у этой уродской футболки рукава, она бы закатала их и врезала ему по заднице.

– Ты мог бы что-то придумать? Seriously? И мозгов хватит? – покровительственным тоном заметила она, повысив голос. – Ну, думаю, на это у нас попросту нет времени. – Она насупила брови и уперла руки в боки. – И я не мерзкая и не сука! – Порыв ветра ударил ей в спину, и она с трудом удержалась на ногах.

– Мои родители погибли. – Тейт помолчал, прикусив нижнюю губу. – Я видел, как их засасывает вихрем, как они сгорают при взрыве. И тут являешься ты и похищаешь меня, лишая возможности организовать похороны, быть рядом с дедом, помогать восстанавливать мой город. В один вечер моя жизнь оказалась разрушена, и я хочу знать, как собрать ее заново. Я не могу это сделать, уехав из дома вместе с тобой. Так что, сука! Вали отсюда! – Глаза Тейта сузились, и небо перерезала молния.

– Я тебя похитила? – Фостер сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. – Да кому ты нужен? Козел! Всю дорогу ноешь, что твои родители погибли, как будто соревнуешься со мной, как будто Кора ничего для меня не значила, и плевать, что я оставила ее там, на футбольном поле. Совсем не обязательно быть извергнутым из чьей-то вагины или стать результатом счастливого оплодотворения, чтобы называть тех, кто тебя любит, своими родителями. Кора – лучше многих биологических матерей, и она мертва. Моя мама тоже умерла сегодня! А тринадцать лет назад мои родные мама и папа погибли в автокатастрофе. Пять лет назад мой приемный отец, муж Кору, погиб, когда его лодка перевернулась. И знаешь что? Если это соревнование – так я выигрываю с разгромным счетом, потому что все мои близкие умерли! – Ее кожа стала горячей, натянулась и словно трещала по швам. Слезы обжигали глаза, и, распалившись от злости, Фостер сильно толкнула его в грудь. – И прекрати называть меня сукой!

Тейт отшатнулся и упал, приземлившись на пятую точку и вздымая облачко пыли. Фостер ладонью прикрыла глаза, защищаясь от колючего дождя. Что-то... не складывалось. Тейт сидел на земле и выглядел ошарашенным – вода стекала с него, оставляя темные пятна на обожженной солнцем красно-коричневой глине. Фостер посмотрела себе под ноги, когда завывающий ветер подхватил ее влажные рыжие волосы. Дождь образовал изрядную лужу, ее кеды утопали в хлюпающей грязи. Но там, где приземлился Тейт, поднялась пыль. Его волосы не разметало ветром. Там вообще не было ветра, и земля оставалась сухой, и...

– Тейт!

Он устремил на нее немигающий взгляд и зашевелил губами, будто не мог выдать из себя ни слова.

Нет, он тарачился не на нее. Он смотрел на дождевой вихрь, в центре которого она стояла.

Фостер нерешительно шагнула к нему, чувствуя, как у нее под ногами потрескавшаяся земля жадно впитывает мощные струи нестихающего дождя.

– Кажется, я знаю, что происходит! – Она бросилась к Тейту, окутывая его своим плащом дождя и ветра. Схватив его за руки, она помогла ему подняться с земли.

– Я рад, что хоть один из нас знает. – Тейт прищурился, вглядываясь в пятно клубящегося серого неба у них над головами.

– Дыши со мной, – сказала Фостер и сделала долгий выдох, выпуская гнев.

– Я всегда дышу. – Мокрые пряди черных волос упали ему на лоб, когда он потрянул головой. – Иначе был бы мертв.

– Ты можешь хотя бы на секунду попытаться не быть таким... – Фостер прикусила язык, проглотив едва не сорвавшуюся с него оскорбительную колкость.

– Смущенным? Испуганным? Взволнованным? Взбешенным? – Вода струилась по лицу Тейта, словно он плакал.

– Придурком, – поправила она.

Тейт напрягся, слегка отшатнувшись, как если бы она снова толкнула его.

– Ладно, расслабься. Не будь таким... не знаю... хлюпиком, что ли. Просто слушай меня. Делай вдох. – Фостер мысленно сосчитала до пяти, прежде чем дала команду выдохнуть. Дождь поутих, бомбардировка тяжелых капель сменились нежной, ласкающей моросью. – Работает! – От волнения Фостер даже привстала на цыпочки. Три попытки – и все удачные. – Вдохни еще раз.

Компрессионная футболка растянулась на широкой груди, когда Тейт медленно вдохнул.

– И выдохни. – Фостер вздернула подбородок к небу. Ветер и дождь прекратились, небо прояснилось до тускло-оранжевого сияния. – Буря прошла.

– Ого! – Он помолчал, глядя на рассеивающиеся облака. – Классно, и это сделали мы. Заставили ее остановиться. – Губы Тейта дрогнули в полуулыбке, когда он сжал ее руки.

Фостер кивнула и, как только до нее дошло, что прикосновение затянулось, отдернула руки и засунула их в карманы.

– Ага. Мы это сделали.

– Черт, – простонал Тейт. – Выходит, это – все это – как-то связано с нами.

Фостер закатила глаза.

– Господи Иисусе! Да! Что я и пытаюсь тебе втолковать все это время.

– Ах, ах, ах. Тебе нельзя злиться на меня. – Он погрозил ей пальцем и показал на небо. – Потому что... ну, сама знаешь, что произойдет.

Сделав еще один глубокий вдох, Фостер поправила на макушке спутанные мокрые волосы и поплелась обратно к пикапу.

– К тому времени как все это закончится, я заслужу какую-нибудь награду за правильное дыхание.

– Да, но как понимать все это? – Тейт открыл дверь и с жалобным стоном скользнул на сиденье, обивка которого была уже безнадежно испорчена. – Я имею в виду, все, что происходит с нами, – дождь, бури, торнадо. У тебя ведь наверняка есть ответы?

Фостер прикусила внутреннюю сторону щеки.

– Ну, вроде того. Вернее, я знаю кое-что, но мне нужна помощь, чтобы разобраться с остальным.

Тейт выудил из пакета сухую футболку и вытер лицо.

- Если мы выясним, как это происходит, и предотвратим новые разрушения и смерти, тогда я в деле. Целиком и полностью.

- Ладно. - Прежде чем залезть в кабину, Фостер отжала подол мокрой футболки.

- Но с условием, что ты больше не будешь кидаться на меня или пытаться выпрыгнуть из машины.

- Из пикапа. - Он подмигнул. - Заметано. И, слушай, - он посерьезнел, - мне действительно очень жаль твою маму. Я не должен был вести себя так, будто она ничего не значит для тебя. И... твоих родителей и приемного отца мне тоже жаль. То, что случилось с ними, - это жесть.

- Да. - У нее сжалось сердце. - Спасибо. Уверена, ты сожалеешь и о том, что называл меня сукой.

- Вообще-то, - Тейт сунул в рот кусок вяленой говядины и откинулся на спинку сиденья, - я пока не готов взять свои слова обратно.

Стиснув зубы, Фостер сделала еще один глубокий вдох.

- Тогда и Баклан остается в силе.

7

ЕВА

- Позвольте мне все прояснить. Не один. Не двое. Трое - трое взрослых - мужчин, способных управлять ветром, водой и огнем, не смогли справиться с двумя подростками? Я правильно понимаю, Ева?

Сохраняя спокойствие и излучая безмятежность, Ева держалась в тени с той минуты, как они вошли в пляжный дом на острове Сансет Ки, всего в нескольких минутах езды на лодке от частного аэропорта в Ки-Уэсте, где стоял их самолет, всегда готовый доставить своих хозяев на материк. Она предпочитала помалкивать, как делала и во время короткого путешествия из Миссури в исследовательский центр на острове. Ева не ответила на вопрос, но замерла, наблюдая за тем, как человек, олицетворявший собою весь ее мир, расхаживает взад-вперед перед тремя мужчинами, которых она называла братьями. Пусть он говорит, мысленно взмолилась Ева, надеясь, что братья не подведут. Пусть изольет свой гнев и избавится от него – тогда мы сможем попытаться объяснить.

– Отец, дело было не только в этом.

Марк первым подал голос, еще раз доказывая Еве, что молитвы всегда остаются без ответа. Там, «наверху», нет никого, кто бы мог их выслушать. Единственной религией в этом доме была наука, а их единственным богом – доктор Рик Стюарт.

Стюарт повернулся к Марку, впиваясь в него острым взглядом. Высокий, красивый, надломленный Марк. Ее водный брат. Из них троих она больше всего полагалась на него. Вот почему назначила его главным в тройке – настояла на том, чтобы он отправился в мотель, когда сама... тоже оказалась сломлена и боролась со своими демонами, не в силах помочь братьям.

– Неужели? – саркастически произнес Стюарт. – Оказывается, это еще не все? Есть что-то еще кроме того, что из-за вас Фостер и Тейт теперь вместе и неизвестно где причиняют невообразимый вред – себе или другим? – Стюарт остановился перед Марком; выстреливая вопросы, доктор придвигался к нему все ближе, пока едва не уперся носом в лицо молодого человека.

– Отец, он не виноват.

Медленно, с грациозностью, которая никак не вязалась с его возрастом и всегда напоминала Еве о любимой ручной змее отца, преследующей кормовую мышь, Стюарт отвернулся от Марка и обратился к Матфею.

– Не виноват? Тогда кто же виноват? Ты и твои братья – мужчины тридцати шести лет от роду – не смогли выполнить мою единственную просьбу? Не смогли

доставить ко мне двух подростков. Объясни мне это. Я хочу знать.

Ева закрыла глаза. Нет, Матфей! Просто молчи!

– Я... я вызвал торнадо, как и сказала Ева. Но потом нам пришлось ждать, как велел сделать ты, и наблюдать за тем, как отреагируют дети. Отец, если бы... если бы мы... э-э... схватили их до начала игры – хотя бы одного из них, – все могло бы сложиться по-другому. – Матфей как будто съежился от волнения. Он не решался смотреть Стюарту в глаза, вместо этого бросая на отца нервные виноватые взгляды.

Голос Стюарта прозвучал обманчиво мягко.

– Так ты обвиняешь в вашем провале сестру?

Матфей судорожно сглотнул.

– Нет, – поспешно возразил он. – Я не обвиняю Еву.

– Тогда, должно быть, винишь меня.

Ева затаила дыхание, гадая, с каким Риком Стюартом они имеют дело: с тем, кого она боготворила, или с тем, кого боялась. Она машинально потерла предплечье, скрытое длинным рукавом рубашки. И, тотчас осознав свою оплошность, опустила руки, сжимая их в кулаки, чтобы больше не давать им воли.

– Никто не винит тебя, отец, – заговорил Лука.

Стюарт перевел взгляд с Матфея на Луку, и наконец его глаза остановились на лице Марка. Он глубоко вздохнул и положил руку Марку на плечо, отчего тот вздрогнул.

– Конечно, вы не вините меня. Вы же мои сыновья. И преданы мне, так ведь, Марк?

– Да, отец.

Вместе с братьями Ева перевела дух и вышла из тени в дальнем углу комнаты, приблизившись к Рику Стюарту. Она взяла отца за руку и заглянула в его умные карие глаза.

– Это моя вина, отец. Я выпустила ситуацию из-под контроля. Сначала я увидела только Кору, а когда Фостер наконец присоединилась к ней, из облака уже опускался торнадо. Я думала, что они поведут себя вполне предсказуемо – побегут к школе вместе с остальными. Когда же поняла, что ошиблась, было уже слишком поздно. Фостер и Тейт объединились и показали, на что способны, раздробив торнадо. Это было похоже на зону боевых действий, отец. Мне очень, очень жаль.

Стюарт по-отечески нежно приобнял ее за плечи, и его взгляд потеплел.

– Милая Ева, ты ни в чем не виновата, хотя я не понимаю, почему ты не поехала в мотель вместе с братьями.

– Я бы поехала. Я хотела быть с ними, но потеряла контроль над собой. – Ее умоляющий взгляд искал понимания.

– Мы уже говорили об этом. И не раз. До тех пор, пока я не найду средство для лечения галлюцинаций... и симптомов, сопутствующих проявлению ваших стихий, – Стюарт сделал паузу, обводя взглядом всех четверых, – вы должны постоянно напоминать себе: то, что вы видите, попросту не существует. И учитесь преодолевать дискомфорт, который вызывают ваши стихии.

– Отец, я пыталась. Я почти справилась с этим. Но... потом я нашла Кору. Она была мертва, и я потеряла контроль. – Ева выпалила эти слова и замерла в ожидании реакции Стюарта.

Он медленно снял руку с ее плеч и, сделав несколько шагов в сторону, прислонился к гладкому стеклянному столу, позади которого громадой возвышалось новейшее лабораторное оборудование, занимая почти все пространство комнаты. Стюарт словно забыл о братьях и говорил только с Евой.

– Рассказывай.

– Ее подвело сердце. Ты читал медицинское заключение, которое мы обнаружили в прошлом году, когда Лука взломал базу данных клиники – как раз перед ее продажей и бегством Кори и Фостер. Кардиолог настаивал на операции и кардинальной перемене образа жизни, чтобы попытаться восстановить работу сердца, но она исчезла. Ты сказал тогда, что у Кори Стюарт тикает в груди бомба замедленного действия. Отец, ты оказался прав. Ты всегда прав.

– Марк, Матфей, Лука... оставьте нас, – сказал Стюарт. Но прежде чем братья успели выскользнуть за дверь, глубокий голос Стюарта проревел: – Марк, задержись на минутку, пожалуйста.

Марк остановился, а братья, облегченно взглянув через плечо, пулей выскочили из комнаты.

– Я знаю тебя, Марк. Вижу тебя, вижу насквозь.

– Да, отец. Я это знаю. И мне жаль, что я разочаровал тебя сегодня.

Стюарт резким, пренебрежительным жестом отмахнулся от его слов.

– Это ошибка, которую ты исправишь, я не сомневаюсь. Лучше скажи мне, сын, что будет с тобой, если ты уйдешь от нас и станешь жить сам по себе?

– Отец, я и не думал...

– Не лги мне! – Голос Стюарта заставил Еву съежиться. Хорошо, что он стоял к ней спиной и ничего не заметил. – Я же сказал, что вижу тебя насквозь. Я знаю тебя лучше, чем ты сам себя знаешь. Я создал тебя. Вырастил и воспитал. Я – твоя семья. И все же ты мечтаешь уйти от меня... от своих братьев... от сестры... от своей семьи. – Стюарт с отвращением покачал головой. – Отвечай на мой вопрос. Что станет с тобой, если ты уйдешь?

Ева наблюдала, как эмоции сменяются на красивом, выразительном лице Марка. Она видела, как боролись в нем гнев и страх, чувство вины и любовь. Наконец его широкие плечи поникли, и он устался в пол.

– Я бы потерял контроль над собой. Люди увидели бы, на что я способен – что я умею управлять водой, а значит, могу управлять дождем, приливами, озерами, реками и всем остальным. Когда они узнают о моей силе, меня возьмут в оборот. Захватят в плен. Ко мне будут относиться как к подопытному кролику. – Голос Марка был полон смирения.

– Они будут препарировать тебя. – Стюарт произнес эти слова спокойным, рассудительным тоном, отчего они приобретали еще более зловещий смысл. – Но ты, вероятно, даже не поймешь, что они с тобой делают, потому что к тому времени плащеносцы овладеют твоим разумом.

– Я... я знаю.

– Тогда ты, должно быть, знаешь, почему так важно, чтобы мы нашли Фостер и Тейта теперь, когда им стукнуло восемнадцать и в полной мере проявились их силы, не так ли?

– Да, отец.

– Скажи это! – потребовал Стюарт.

– Мы должны найти их, чтобы люди не узнали, на что они способны, – что они могут управлять воздухом. И, если мы не найдем их, с ними произойдет то, что могло бы произойти со мной. Их будут изучать, препарировать и в конце концов доведут до сумасшествия.

– Да. А остальное? Пожалуй, самое главное? – подсказал Стюарт.

Марк совсем сник.

– Ты сможешь использовать новых детей, чтобы выяснить, как спасти нас от безумия, которым чреваты наши галлюцинации.

Марк провел дрожащей рукой по лицу. Ева больше не могла этого выносить. Отбросив собственный страх, она подошла к брату и, обхватив его за талию, храбро улыбнулась Стюарту.

– Но никто не сойдет с ума, потому что мы найдем подростков, привезем сюда и защитим. Вот почему отец создал их парами – чтобы они могли разделить между собой власть над стихией и избежать сумасшествия, которое угрожает нам четверым. И, пока мы будем учить их понимать связь со стихиями, отец будет исследовать этих детей и искать способ спасти и нас тоже. – Она поднялась на цыпочки и поцеловала того, кого называла братом, в щеку. – Не переживай. Отец уже все просчитал, и мы доставим сюда Фостер и Тейта – как и другие три пары.

– Но только при условии, что они проявят свою стихию. Теперь понимаешь, сынок, почему мы должны дождаться, пока детям в каждой паре исполнится по восемнадцать и они встретятся? Что бы ни думали ты и твои братья, я вовсе не монстр. Я бы не стал вырывать детей из их семей и привычной жизни без крайней необходимости. Так что, возможно, ты и прав, по большому счету. В том, что случилось на стадионе, была моя вина.

– Мальчики никогда не назовут тебя монстром, отец! – воскликнула Ева. – И они все понимают. Мы понимаем.

Она отпустила Марка и почти незаметно подтолкнула его к приоткрытой двери. Повернувшись спиной к Стюарту, чтобы тот не расслышал ее слов, она шепнула брату:

– Открой досье на Кору и Фостер. Проследи, где они бывали до своего исчезновения в прошлом году. Свяжись по телефону с нашими копами в этих районах. Посули вознаграждение в сто тысяч долларов тому, кто найдет детей. Пусть Лука запустит свою программу по отслеживанию операций с банковских карт. Кора мертва. Фостер может дать промашку и воспользоваться кредиткой. Мы должны найти их до того, как детям воды исполнится восемнадцать в следующем месяце.

– Да, Ева, – пробормотал Марк.

Когда брат выскользнул из комнаты, Ева направилась к Стюарту. Она держала спину прямо, зная, как высоко он ценит ее силу. Только бы он не догадался. Только бы не увидел, как я устала, как мне хочется отмотать время на восемнадцать лет назад, чтобы мы снова стали настоящей семьей.

– Я знаю, смерть Кору стала для тебя ударом. Мне тоже больно. Позволь мне скорбеть вместе с тобой. – Она остановилась перед ним и нежно коснулась его руки.

Он накрыл ее ладонь своей.

– Моя маленькая нубийская принцесса. Ты знаешь меня гораздо лучше, чем твои братья.

– Ну, как ты и говоришь уже много лет – одна женщина стоит трех мужчин.

– Вообще-то это Кора сказала, – поправил ее отец.

Улыбка осветила его морщинистое лицо и как будто стерла несколько лет из его семидесяти двух. Еву захлестнула волна воспоминаний, и из глубин памяти всплыл сильный, счастливый голос Кору. Рик Стюарт, я официально заявляю, что ты выше и красивее, чем Лоренс Фишберн.[13 - Голливудский актер, продюсер, широко известный по роли Морфеуса в культовой трилогии «Матрица».]

– Я знаю. Я помню, – тихо сказала Ева. – Хотя она и не догадывалась об этом, но я ее любила. Пусть она не знала этого, я все равно считала ее своей матерью.

Темные глаза Стюарта зажглись опасным блеском.

– Я же просил тебя никогда не говорить об этом!

Ева отпрянула.

– П-прости, отец. Но сейчас мы одни.

Стюарт вздохнул и нежно похлопал ее по плечу.

– Нет, это ты меня прости. Пойми, правда о твоём происхождении должна остаться нашей тайной. Подумай о том, что будет с братьями, если они узнают, что ты – мой биологический ребенок, единственное дитя нашей с Корой любви. Я думаю, это больно ранит их. Они и так уже говорят, что ты – моя любимица.

– Да, ты прав, конечно, отец, – сказала Ева, но ее одолевали куда более мрачные мысли: Всем будет очень больно узнать и о том, что ты украл яйцеклетки своей жены, оплодотворил их собственной спермой, произвел мутацию и вырастил ребенка. Но Ева не могла произнести это вслух. Ева никогда бы не осмелилась сказать такое. Вместо этого она грустно улыбнулась отцу. – Не хочешь прогуляться по пляжу? Океан всегда успокаивает, к тому же солнце уже зашло. Никто не увидит тебя с материка.

– Да, с удовольствием, милая Ева, – сказал он.

Взявшись за руки, Ева и ее единственный отец вышли из дома. Внешне он ничем не отличался от любого другого коттеджа на флоридском пляже. Когда они добрались до песчаного берега, Ева скинула туфли и пошла босиком. Душный августовский воздух был густым и влажным, не ощущалось ни дуновения ветерка. Ева пожалела о том, что она не в майке, но лишь на мгновение. Гораздо важнее было прикрыть предплечье. Она хотела сохранить для себя то, что пряталось под рукавом, – хотя бы на день или два.

Они шли по пляжу, зарываясь ногами в теплый песок, вбирая в себя дыхание океана, пока извилистая песчаная полоса не вывела их на дальнюю оконечность острова, за которой простирались открытые воды. Там Стюарт остановился, любуясь усыпанным звездами небом и маслянистой восходящей луной.

Ева сосредоточилась на своей стихии – земле. Установив связь, не пробуждая силу земли, она погрузилась в спокойствие, которое призвала на помощь в тот страшный миг на стадионе, когда увидела обмякшее тело своей мертвой матери среди того ужасного, грязного футбольного поля. Ощущение мирного покоя и защищенности исходило от болезненной точки, скрытой под рукавом, и разливалось по всему телу – хотя она старалась держать его при себе, не давая энергии утекать через руку, соединенную с рукой отца. И только тогда она неспешно и осторожно заговорила о том, что так мучило ее в последнее время.

– Отец, я не хотела этого говорить в присутствии мальчиков, но меня очень беспокоит твой усталый вид.

Стюарт слегка покачал головой, отпустил ее руку и жестом отмахнулся от слов дочери.

– Все хорошо, милая Ева.

– Отец, прости, если я перехожу границы, но ты всегда говорил нам, что мы должны заботиться друг о друге. Дело не только в том, что ты просто устал.

Он оторвал взгляд от ночного неба и посмотрел ей в глаза.

– К чему ты клонишь, Ева?

Ева цеплялась за земное спокойствие.

– Ну, раньше ты не был таким.

– Раньше? Ты хочешь сказать, до того как научное сообщество высмеяло меня и разрушило мою жизнь? Да, ты права. Я изменился. Мы все должны измениться.

Она откашлялась и попробовала зайти с другой стороны.

– Я понимаю, что теперь все по-другому, многое изменилось с тех пор, как твое исследование было закрыто, и я ни в коем случае не хочу проявлять неуважение, но, отец, ты как будто одержим этими подростками.

– Еще бы. Я одержим ими уже восемнадцать лет – ожидая, пока все четыре пары повзрослеют. Время пришло, и мой план по возвращению сюда первой пары уже потерпел неудачу. Похоже, мне следовало быть еще более одержимым. Возможно, тогда результат оказался бы иным.

– Ты – блестящий ученый. Ты создал нас. Зачем тебе эти дети? Наверняка ты сможешь найти способ вылечить нас, если просто продолжишь исследования?

– Есть вещи, которых ты не понимаешь, Ева. И я не хочу забивать этим голову ни тебе, ни твоим братьям. Просто доверься мне.

– Я доверяю тебе! Но почему ты не можешь довериться мне? О каких вещах ты говоришь?

Ева видела, как ожесточилось лицо отца, но его гнев быстро растаял от ее улыбки. Отец коснулся ее щеки, а потом широким жестом обвел пространство их частного острова.

– Моя принцесса, как, по-твоему, мне удастся держаться на плаву все эти последние двадцать лет?

– Твои клиники репродуктивного здоровья принесли целое состояние, богатые люди платили тебе кучу денег за твои исследования.

– Так оно и было. А потом научное сообщество отвернулось от меня из-за этих исследований. Я удачно инвестировал средства, но даже огромные деньги со временем заканчиваются.

Ева почувствовала озноб.

– Мы что, разорены?

Стюарт лукаво улыбнулся.

– Не совсем. И ненадолго.

– Что это значит?

– Найдите мне этих подростков, и вы поймете – ты и научное сообщество, высмеявшее мои исследования.

– Жаль, что ты не доверяешь мне настолько, чтобы рассказать все, – упрекнула его Ева.

– Неужели? Правда, жалеешь? А сама между тем кое-что утаиваешь от меня.

– От-отец, я не понимаю, о чем ты...

– Покажи мне. Я знаю, что там. Так и должно быть. Вот почему ты не поехала в мотель с мальчишками. – Слова Стюарта словно ударили наотмашь.

- Это ничего. И сейчас это совершенно неважно. Ты – вот что важно.

- Покажи мне! – Его голос стал жестче, когда он повернулся к ней лицом.

Смирившись, Ева опустила голову и задрала рукав повыше локтя. На гладкой коже цвета вспаханного поля из середины предплечья прорастал, словно опухоль, пурпурный кристалл размером с яйцо. Лунный свет, пойманный и преображенный драгоценным камнем, мерцал темно-фиолетовым огнем в его глубине.

- Никогда не прячь это от меня. Тебе ли не знать. – Стюарт скользнул пальцами по кристаллу аметиста. – А этот большой. Должно быть, ты здорово расстроилась.

Ева заставила себя не вздрогнуть от боли, которую причинило его прикосновение.

- Но тебе не следовало вызывать стихию земли. Ты должна беречь свою силу и использовать ее только в случае крайней необходимости. Ты крепче, чем мальчики, но не бессмертна.

- Я и не хотела прибегать к ней, но, когда увидела Кору... когда поняла, что она умерла... потеряла контроль. Произошло землетрясение. Оно и вызвало тот взрыв на парковке. Отец, мне пришлось усмирять стихию. Я должна была это сделать, иначе она поглотила бы и Фостер, и Тейта, и весь город.

- И привлекла бы гораздо больше внимания к тому, что там произошло помимо парочки торнадо. Выходит, чтобы защитить свою семью, ты успокоила землю, зная, какую цену придется заплатить – пережить такую агонию.

- Это всего лишь аметист, отец. Его не так тяжело носить, и больно только здесь. – Она осторожно прикоснулась к необработанному камню. – Все остальное мне помогает. Успокаивает. Защищает. Так же, как это делает земля. – Голос звучал жалобно, и ей стало стыдно за себя, стыдно за незаданный вопрос, сквозивший в ее словах.

– Мы обсуждаем это почти два десятка лет, Ева. – Стюарт заговорил ровным, бесстрастным тоном лектора, профессора биологии, хотя Ева увидела желание в его взгляде, прикованном к драгоценному камню-опухоли. – Ты должна рассеять энергию и удалить камень. Если ты этого не сделаешь, что произойдет, по нашей гипотезе?

– Энергия будет накапливаться, пока полностью не выйдет из-под моего контроля, и камень будет разрастаться по всей коже, постепенно заключая меня в свою оболочку. – Она произнесла заученные слова, копируя его притворно-бесчувственный тон.

– И что потом? – подсказал он.

– Это убьет меня, – закончила она. – Ладно. Сделай это. Я готова. – Ева протянула ему руку.

Он наконец-то оторвал пылающий взгляд от драгоценного камня и встретился с ней глазами.

– Я делаю это только для того, чтобы помочь тебе. Ты ведь понимаешь, не так ли?

– Да, отец.

– Будь это не опасно, ты могла бы сохранить его. Оставить все их себе.

– Да, отец. Я знаю. Давай. – Ева подняла руку выше и приготовилась к испытанию.

Со вздохом, в котором чувствовалось столько жажды, что Еву затошнило, Стюарт прижал ладонь к аметисту. Ева быстро накрыла его ладонь своей рукой и зажмурилась. Она потянулась сквозь свое тело – сквозь ступни, соединявшие ее с песчаной кожей земли, – и нащупала всего лишь осколок своей стихии. Сосредоточившись на этой силе, она потянула ее вверх – через стопы... ноги... плоть... по позвоночнику к плечам, наращивая мощь, пока энергия земли не прорвалась в кристалл аметиста, а оттуда хлынула прямо в доктора Рика Стюарта.

Старик вскрикнул, и его тело напряглось, как будто его ударило током, но Ева знала, что происходит. Она безучастно наблюдала за тем, как Стюарт, ахнув от удовольствия, уронил руку с ее предплечья и мягко упал на колени в песок. Он глубоко задышал, и, когда поднял на Еву глаза, его зрачки были полностью расширены, а взгляд расфокусирован. Лицо Стюарта излучало такое спокойствие, такую безмятежность, что казалось, будто он помолодел не на один десяток лет.

– О, Ева! Ты права. Это высшее блаженство. А сейчас оставь меня, я хочу погоревать о Коре и обо всем, что потерял сегодня... – Слова стаяли, пока Стюарт растягивался на песке. Его широко распахнутые глаза смотрели в одну точку, но он уже не видел Еву – не видел ничего. Сила драгоценного камня поднималась в нем, ввергая его в состояние кайфа, какого не подарит ни один наркотик – кайфа, без которого он уже не мыслил своего существования.

Ева молча отвернулась от него. Тяжелыми шагами она двинулась обратно, оставляя глубокие следы на песке. Рука рассеянно коснулась драгоценного камня на предплечье, и он рассыпался бесцветными осколками, которые напомнили Еве битую яичную скорлупу.

После того, как отец высасывал силу ее кристаллов, Ева всегда испытывала ощущение усталости и опустошенности, и к тому же зверский голод. Чувство покоя, которым одаривал ее аметист, ушло, оставляя ноющую пустоту, но она не могла позволить себе даже мечтать о том, чтобы ей хоть раз разрешили сохранить ее силу. То ли дело отец – проведет ночь на пляже, наслаждаясь кайфом, который выкачал из нее.

Камень крупный. Отца вырубят часов на восемь, не меньше. Я должна помочь братьям найти хоть какие-то следы Фостера и Тейта, пока он не проснулся – пока не обрушил свой гнев на одного из них. Опять. И на что он намекал сегодня вечером? Что ему удастся хорошо заработать на этих детях? Снова наладить отношения с научным сообществом? Не означает ли это, что он собирается выйти в публичное пространство – показать, что жив и не забыт? Но ведь это к лучшему, не так ли?

– Эти дети – четыре пары, представляющие стихии воздуха, огня, воды и земли, – наша единственная надежда. Через них отец может узнать, как исправить нас, и для этого ему придется... снова начать исследования и эксперименты. – Ева разговаривала с песчаным островом, каждым своим шагом ощущая связь с

землей. – Отец должен вылечить нас. Только он может это сделать. Тот, кто создал нас и кто нас сломал.

Ева поплелась к коттеджу, где жили ее братья. Пока она шла, в голове эхом отдавались ее собственные слова: энергия будет накапливаться, пока полностью не выйдет из-под моего контроля, и камень будет разрастаться по всей коже, постепенно заключая меня в свою оболочку...

И впервые Ева позволила себе задуматься, пусть даже на мгновение, о том, что страшнее – превратиться в живое сокровище земли или остаться живой дурью для наркомана.

8

ТЕЙТ

– Ладно, притормози. Левый поворот должен быть как раз за следующим съездом, – сказал Тейт, поднимая руку и щурясь от заходящего солнца. – Да, вот он. – Он указал через приборную панель на гравиевую дорожку, надежно перегороденную широкими и высокими железными воротами. По обе стороны от них тянулся черный массивный металлический забор – из тех, что ограждают частные владения. Тейт прикинул, что высотой он не меньше восьми футов[14 - Около 2,5 метра.], и все выглядело так, будто за ним скрывалась огромная территория. Черта с два перелезешь через такую махину, подумал он, разглядывая заостренные черные пики и представляя, как они в клочья раздирают штаны и плоть идиоту, который попыбует вскарабкаться наверх.

Еле живая от усталости, Фостер припарковала пикап. Она потянулась, громко зевнула и, потирая затылок, молча уставилась на ворота.

Тейт перевел взгляд с преграды на Фостер и обратно.

– Хм, я знаю, что номера у дома нет. – Тейт замолчал и прищурился, безуспешно пытаясь рассмотреть уходящую вдаль тенистую дорожку. – А может, нет и самого дома, но я готов поклясться, что это то самое место.

– Я тебе верю. – Она повернулась и посмотрела на него, протягивая руку назад, чтобы достать сумку, принадлежавшую ее маме. – Ты – лучший навигатор из всех, кого я знаю. Во всяком случае, превосходишь меня.

– Вау, спасибо! Вообще-то я хорошо ориентируюсь. Очень хорошо. Думаю, я бы нигде не заблудился, даже если бы захотел. – Тейт улыбнулся, хотя улыбка вышла странной, словно напряженной. И тут до него дошло, что он по-настоящему улыбнулся и пусть на мгновение, но почувствовал себя счастливым впервые с того самого дня, когда торнадо и эта девчонка разрушили его жизнь. Мамы и папы больше нет. Эта мысль причинила ему физическую боль. Его лицо тотчас помрачнело, что, разумеется, не ускользнуло от Фостер.

– Пожалуйста. И я не шучу. – Она продолжала говорить, пока рылась в сумке. – Я полный профан в навигации. Самой бы мне ни за что не найти это место, тем более что всю дорогу были перебои со связью. – Фостер закрыла глаза и хлопнула себя по лбу. – Черт! Неужели забыла? Где мой телефон?

Тейт оглядел замусоренную кабину и принялся разгребать обертки от бургеров и пустые бумажные стаканы.

– Вот он. – Он нагнулся и вытащил мобильник из-под липкой салфетки от сэндвича.

– Спасибо, – рассеянно произнесла Фостер и выхватила у него телефон, сбрасывая маску вежливости. – Отлично. Связи по-прежнему нет. Ладно, поищи в бардачке что-нибудь маленькое и острое – вроде скрепки или кнопки.

– Без проблем. – Тейт открыл бардачок и порылся в ворохе бумаг и всякого хлама, пытаясь не обращать внимания на то, как горит и ноет рана на ноге.

– Это подойдет? – Он протянул ей ржавую скрепку, которую снял с пачки страховых документов.

– Да, должно. – Фостер распрямила скрепку и просунула кончик в крошечную дырочку на боковой панели айфона. Оттуда выскочила какая-то штучка, которую она подхватила и спрятала в карман, прежде чем швырнуть телефон в сумку, и снова принялась шарить на дне.

- Что это за хрень? Внутренности телефона или что-то еще?

Она посмотрела на него так, словно он задал наиглупейший вопрос, но Тейт уже свыкся с мыслью, что по-другому Фостер смотреть не умеет.

- Это сим-карта, гений. Где ты был... я не знаю... с 2000 года?

- Послушай, у меня есть телефон. Вернее, был. Он остался в моем шкафчике в раздевалке. Я им пользуюсь. Просто никогда не разбираю его на части.

- Провалы системы государственного образования не перестают меня удивлять. - Фостер покачала головой. - А, вот он!

Не сказав больше ни слова, Фостер вышла из машины и направилась к воротам. С покорным вздохом Тейт последовал за ней. Она держала в руках кожаный мешочек, который наконец-то отыскала на дне сумки. Тейт вспомнил, что его дед называл такие штуковины кошельками для монет, и предположил, что внутри был ключ от ворот. Но, вместо того чтобы отпереть замок, Фостер оглядывала землю вокруг, пока не нашла булыжник размером с кулак, который поднесла к каменной колонне справа от ворот. Она полезла в карман, достала симку, приложила ее к столбу, а затем с впечатляющей ловкостью шарахнула по ней камнем, не разбив при этом пальцы.

Она повернулась к нему.

- Никаких мобильных, пока не купим одноразовые телефоны, но даже и тогда нам нужно быть осторожными, - сказала она.

- Но как же мы будем звонить людям?

- Мы не будем звонить. Ты не будешь звонить. Никогда. - Она повернулась к нему спиной и подошла к утопленному в кирпичной кладке кодовому замку, который он не заметил раньше. Она открыла кожаный мешочек, вытащила листок бумаги с цифрами и набрала на клавиатуре код. Послышался щелчок, и ворота распахнулись.

– Отлично. Это значит, что у нас есть электричество. – Она развернулась и направилась обратно к пикапу, но Тейт не двинулся с места. – Эй, – позвала она, открывая водительскую дверцу. – Иди, садись. Это то самое место.

– Мне нужно кое-кому позвонить.

Фостер нахмурилась.

– Нет. Это небезопасно.

– Почему?

– Потому что Кора так сказала, а я ей доверяю. Полностью. Даже если она мертва. Все это, – Фостер широким жестом обвела земли за воротами, – Кора обустроила для меня. – Слегка поколебавшись, она поправила себя: – Для нас на самом деле. Чтобы уберечь от тех, кто гонится за нами.

– Но почему они преследуют нас? – не унимался Тейт. Она опять промолчала, чем ужасно его разозлила. – Послушай, мне нужны ответы. Я поехал с тобой, хотя мне хочется быть только дома, чтобы понять, как жить дальше без мамы и папы. Но вместо этого я здесь – потому что, очевидно, что-то странное происходит с нами и погодой, и я должен разобраться, в чем дело.

– И к тому же нас преследуют, – добавила Фостер.

– Да, и это тоже, – признал он. – Но у меня есть дедушка – отец моей мамы, – единственный, кто остался из моей семьи. Он живет в Техасе. Не представляю, что с ним будет, когда он узнает, что случилось. – Тейт замолчал, пришибленный тяжестью осознания. – Дед подумает, что я тоже погиб. О боже, до меня только сейчас дошло. Фостер, я должен ему позвонить.

– Ладно, я поняла. Но давай поговорим об этом в доме.

– Я не вижу здесь никакого дома, – упрямо произнес Тейт.

– Я почти уверена, что в этом все дело – ты просто не видишь его с дороги. Давай, залезай в машину. Мы проделали адский путь, так хотя бы посмотришь,

ради чего, – сказала Фостер.

Тейт резко кивнул и вернулся к пикапу, забираясь на пассажирское сиденье.

– Мне нужны ответы.

– Тейт, и мне тоже. Вот почему мы здесь. Просто доверься мне хотя бы ненадолго. – Она въехала в ворота, которые бесшумно закрылись за ними.

– А мне ты доверяешь? – Тейт повернулся и посмотрел на нее.

Она мельком взглянула на него, и он увидел в ее глазах сомнение, но в то же время и решимость сказать ему правду.

– Нет, не доверяю. Но пойми меня правильно. За последние пять лет я доверяла только одному человеку, а теперь его нет.

– Ты действительно похожа на девчонку, у которой проблемы с доверием, – сказал Тейт.

– Это звучит как женоненавистническая чушь. Я не девчонка с проблемами доверия. Я – человек, который на собственном горьком опыте убедился в подлости людей.

– Не знаю, с чего ты решила, что я должен доверять тебе, если сама мне не доверяешь, – сказал Тейт.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Неофициальный термин, обозначающий территории США, в которых наблюдается наибольшее количество торнадо. Аллея включает несколько штатов: Техас, Оклахому, Канзас, Южную и Северную Дакоты, Айову, Иллинойс, Миссури, Небраску, Колорадо и Миннесоту. (Здесь и далее прим. перевод.)

2

Около 168 см (1 фут = 30,38 см).

3

Сайт национальной метеослужбы США.

4

Керри Мариса Вашингтон – американская актриса и политическая активистка. Наиболее известна по своим ролям в фильмах «Рэй», «Фантастическая четверка», «Последний король Шотландии», «Джанго освобожденный».

5

Американский каскадер, получивший мировую известность благодаря своим рискованным трюкам на мотоцикле.

6

Американский еженедельный спортивный иллюстрированный журнал.

7

От англ. misery – мучение, убогость, жалкое положение.

8

Американский драматический телесериал, главный герой которого, футбольный тренер по имени Эрик, работает в средней школе в Техасе.

9

Классификация школ (от 1А до 5А) в зависимости от вовлеченности учащихся в занятия спортом и их спортивных достижений.

10

Миссурийского университета.

11

Крупнейший остров на реке Колумбия вблизи Портленда, США.

12

Имеется в виду книга «Go the F**k to Sleep», написанная американским автором Адамом Мэншбахом и проиллюстрированная Рикардо Кортесом. Издание позиционируется как «детская книга для взрослых» и является пародией на сборник сказок на ночь.

13

Голливудский актер, продюсер, широко известный по роли Морфеуса в культовой трилогии «Матрица».

14

Около 2,5 метра.

Купить: https://telnovel.me/kast_f/poveliteli-stihiy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)